Сияние Черной звезды

Автор:
Елена Звёздная

Сияние Черной звезды

Елена Звёздная

Звездное НастроениеКатриона #5

Каждая девушка мечтает стать первой леди страны, но что делать той, для кого высокое положение лишь сделка, условия которой кесарь начинает безжалостно менять по собственному усмотрению? И у жены Властителя Эрадараса отныне нет права на ошибку, нет права на вольности, нет права на эмоции. Она – императрица поднимающейся с колен империи пресветлых. Ее деяния безупречны, ее слова наполнены сиянием величия, ее решения – отражение мыслей супруга… были бы, но Катриона не сдается никогда!

И бывшая наследница Оитлона обретает свободу в мире, который отныне подчиняется только ей. Сияние Черной звезды затмевает свет солнца.

Игра выходит на новый уровень.

Елена Звёздная

Сияние Черной звезды

Просыпаться не было никакого желания. Абсолютно. Не в первый раз для меня, конечно, но сегодня это нежелание было каким-то особенно сильным.

Рывком сев на постели, открыла глаза.

Захотелось мгновенно закрыть их обратно! А после снова лечь, заснуть и более не просыпаться в этом кошмаре! Однако, учитывая обстоятельства моей жизни, я не без оснований подозревала, что следующий кошмар может оказаться похуже данного, уже имеющегося в наличии. К тому же эти громадные, размером с внушительное окно каждый, глаза имели знакомый мне желтовато-наглый оттенок, так что, осознав, кто передо мной, я поздоровалась с колоссальной черно-коричневой чешуйчатой гадиной:

– Доброе утро, Тэхарс.

Дракон, взирающий на меня до того с явным предвкушением, заметно скривился и мрачно спросил:

– Где истерика? Где заполошные метания по моей пещере? Можно хотя бы испуганный вопль, я не привередливый.

Пожав плечами, безразлично ответила:

– Истерики не по моей части. Я как-то в принципе не особо склонна к истерикам, и подобное случалось со мной лишь дважды. Первый раз я просто не осознала, насколько мне повезло в этой жизни, второй раз… Будем откровенны, второй раз у меня действительно имелся достойный повод для истерики.

Явно заинтересовавшись, дракон умостил свою голову поверх сложенных на каменном полу передних лап и поинтересовался:

– Это когда же тебя так?

Спустив ноги с кровати, я поняла, что в пещере зверски холодно, поэтому, стянув верхнее из трех одеял, закуталась в него, как в мантию, и, направившись к выходу, с невеселой усмешкой ответила:

– В день, когда наш великий и бессмертный объявил моему отцу о намерении прекратить свое холостяцкое существование посредством взятия меня в супруги.

Идти по холодному, покрытому инеем каменному полу было не слишком приятно, но, едва я вышла на свет, все окупилось удивительным, потрясающим видом. Под утренним бирюзово-салатовым небосклоном величественные серые, покрытые голубыми снежными шапками горы смотрелись восхитительно!

Другие горы, посветлее и размером значительно уступающие своим собратьям, казалось, покрывал не голубой, а совершенно синий снег, ослепительно сияющий и искрящийся под огромным белым, поднимающимся по небосклону светилом. Я поискала взглядом второе, черное, светило и даже несколько удивилась, не обнаружив звезду, практически давшую мне имя.

– Черная звезда восходит позже, но сияет дольше, – обдавая меня порывами теплого дыхания, сообщил подкравшийся сзади дракон.

Я приняла информацию к сведению и, подойдя ближе к краю площадки, посмотрела вниз, запоздало осознав, что фактически наблюдаю… пусть будет поселение крылатого народа. Похоже, пещера Тэхарса находилась у вершины самой величественной из гор, остальные драконьи пещеры располагались ниже. Значительно ниже. И сейчас отсюда, практически с высоты птичьего полета, я видела летающих внизу драконов, драконов, убирающих снег возле своих жилищ, драконов, натужно машущих крыльями и с трудом удерживающих в лапах животных вроде быков, только больших и светло-серых, чем-то похожих на наших древних туров. На одном из наиболее значительных горных плато стайка маленьких, как мне показалось с огромного расстояния, дракончиков старательно махала крыльями, внимательно следя за огромной синей драконицей, стоящей перед группкой и, видимо, командующей.

– Мелкотня, – с удивительной теплотой в голосе прорычал все еще пребывающий в виде дракона Тэхарс. Затем отрешенно сообщил: – Еще пять дней назад валялись кто где, замерзшие, высохшие трупики, скинутые темными в пропасть и разбившиеся, недоразвитые в недовыросших яйцах, а теперь смотри-ка, уже учатся ловить ветер.

Усмехнулся и добавил:

– Смотри на них, императрица, смотри на тех, кто воскрес благодаря союзу, твоему и Араэдена, а ты говоришь «истерика»…

Он развернулся и скользнул в глубь пещеры.

Обернувшись, проводила его откровенно раздраженным взглядом, а затем вновь вернулась к осмотру поселения драконов. Заметила странность – некоторые все продолжали и продолжали прилетать, судя по тому, что там восходило белое светило, с востока. И вот драконы, большие и не очень, тащили и тащили этих несчастных туров. Пока я стояла, насчитала уже двенадцать жертв явно драконьей прожорливости.

– Запасают, – сообщил из глубины пещеры Тэхарс. – Сейчас освежуют, выпотрошат, после сложат в ледник.

– Драконы запасают мясо? – искренне удивилась я.

– А то, – хмыкнул мой собеседник. – Редко, когда удается отбить у орков часть стада. А сегодня вот получилось. Там у этих случилось чего-то ночью. Под утро уже прямо. Что-то серьезное, раз они стадо бросили. – После чего обвинительно добавил: – И вот слетать бы, посмотреть, что за дела творятся, но за тобой сказано приглядеть. Итог – сижу, страдаю и от любопытства, и от похмелья.

Глянув через плечо, увидела только огромные, сияющие в глубине пещеры драконьи глаза, остальное терялось во мраке, и безразлично сообщила:

– Я тебя не держу.

– Ты – нет, – подтвердил Тэхарс, – а вот слово, данное Араэдену, крепче любой цепи.

– Мм-м, – понимающе протянула я. И саркастично поинтересовалась: – Сейчас будет слезливая история о том, как когда-то в далеком прошлом наш великий и бессмертный спас вашу бесценную драконью жизнь?

– Нет! – возмущенно прорычал дракон.

– Серьезно? – не поверила я. – А откуда же тогда такая преданность кесарю?

Мне правда интересно стало. Тэхарс же, мрачно выдохнув, от чего пещера наполнилась дымом, не менее мрачно ответил:

– Араэден страшен в гневе.

Ну и, собственно, после этого любые вопросы отпали сами собой.

Окончательно замерзнув, я вернулась обратно в постель, забралась под сохранившие мое тепло одеяла, устроилась полулежа и задала самый главный вопрос:

– А кесарь, собственно, где?

– Понятия не имею, – отозвался дракон. – Но сказал не отпускать тебя до его возвращения.

М-да.

– Отпускать куда? – скептически вопросила я. – Вниз по склону босиком? Или просто в свободный полет?

Тэхарс оценил и, хмыкнув, сообщил:

– Сегодня полетят головы.

– Чьи? – мгновенно заинтересовалась я.

Не то чтобы мне не было все равно… Хотя будем откровенны – мне не все равно! Это моя империя, мои подчиненные и эллары тоже по большей части уже мои! Но дракон решил издевательски промолчать.

– Тэхарс! – Я подскочила на постели. – Чьи головы?

Треклятая ящерица, которую при всем своем желании под деревцем не прикопаешь, выпустив струю дыма, изобразила сон, точнее, что-то между «крепко сплю» и «сдох, воскрешению не подлежу». Появилось дикое желание

подойти и пнуть его со всей силы. Но я поступила проще – представила себе деревце подходящего размера и наиболее удобную лопату!

– Таких лопат нет, а до деревца нужного размера не доберешься, – хмыкнул Тэхарс.

– Ты читаешь мысли? – спросила, не особо удивившись, так как с его способностями уже сталкивалась.

– Только образы, направленные на меня, – усмехнулся дракон.

Оригинально, и объясняет его долгую продолжительность жизни.

– Так, значит, такие деревья есть? – устроившись удобнее, спросила я.

– Леса нарийских дриад. – Тэхарс приоткрыл один глаз. – Я бы на твоем месте не стал туда соваться.

– И почему же? – Действительно интересно стало.

– Там, – тоном уличного рассказчика начал он, – среди огромных лесов, вспарывающих проплывающие облака верхушками деревьев, живут самые прекрасные и в то же время опаснейшие создания нашего мира – дриады.

Удивленно глядя на дракона, подумала о самом страшном. Оказалась права.

– Древесные девы.

– В смысле, которые бревна? – невинно поинтересовалась.

Хохотнув, Тэхарс продолжил:

– Разве что после смерти. При жизни же даже мы, драконы, стараемся не летать над их лесами – неизвестно, из-за какого дерева прилетит стрела.

– Знаешь, складывается впечатление, что вы, драконы, в целом какие-то угнетенные создания. У орков воруете тайком, дриад опасаетесь, от нападения темных передохли практически полностью, – задумчиво заметила я.

Тэхарс поднял голову, зло посмотрел на меня суженными змеиными глазами, после чего выдохнул:

– Я промолчу о положении твоего народа, императрица.

Я парировала уверенным:

– Года не пройдет, как мой народ встанет с колен. А что будет с твоим?

Дракон взял и таки действительно промолчал.

– Почему вы воруете у орков? – задала я следующий вопрос.

– Делаем запасы. Сегодняшней добычи хватит надолго.

– Что будет потом?

Тишина в ответ. То есть планов на будущее у драконов нет.

– Если вы зависимы от выращиваемого орками скота, почему не наладить постоянное сотрудничество?

Ответил он явно нехотя, но все же ответил:

– У орков сильные шаманы. При открытом нападении молодые драконы погибают. А старых осталось не так много, воскрешение коснулось лишь тех, кто погиб за год отсутствия Араэдена.

Кивнула, принимая информацию к сведению, и пояснила:

– Я не говорила о нападениях, Тэхарс, как, впрочем, и о войне, я сказала «наладить сотрудничество».

Глядя на меня почти с ненавистью, дракон прорычал:

– И как ты себе это представляешь, Черная звезда?

От его рычания пещера затряслась и стало дымно, но вот меня лично это не испугало ни капли – удобно все-таки быть под защитой кесаря. Столько причин для беспокойства исчезает сразу же.

Пожав плечами, спокойно ответила:

– Я себе это представляю осуществлением нормальных товарообменных отношений. У орков есть нужное вам мясо, у вас, возможно, что-то, что нужно оркам. К примеру, – скептически оглядела дракона, – быть может, ваша шкура, если вы сбрасываете ее и меняете, или, возможно, что-то, что находится на вершинах гор и оркам до этих ресурсов не добраться, в то время как крылатому народу легко. Взаимовыгодное сотрудничество, Тэхарс, ведет к процветанию всех заинтересованных сторон, грабительские набеги – к вымиранию собственно грабителей. Учи историю.

Глядя на меня злыми прищуренными глазами, дракон вопросил:

– История твоего мира учит тому, что грабительские набеги приводят к гибели крылатого народа?

– Не крылатого, а вообще всех в целом, – пояснила я. И тут же сочла необходимым добавить: – Есть, конечно, примеры успешного выживания при грабительской тактике. Это, в смысле, если вы, подкопив силы периодическим грабежом, в итоге нападете на орков, перебьете их, захватив тем самым оркские стада и начнете сами выращивать себе скот.

Вновь умостив голову на передних лапах, дракон задумался, и надолго. И лишь после продолжительного молчания произнес:

– Мой народ владеет магией. Но проявляется это в возрасте свыше тысячи лет. Из всех ныне существующих представителей моего народа этого возрастного рубежа достиг лишь я. В то же время среди орков есть шаманы, чья жизнь насчитывает и больший срок… И в отличие от нас, у них долгожителей больше.

– Взаимовыгодное сотрудничество, – с нажимом повторила я. А затем, после недолгого размышления, задумчиво предположила: – Или же сейчас вы не перебиваете весь украденный скот, а сохраняете в живом состоянии. Эдогар создаст портал, мои люди перегонят скот на подходящую территорию и займутся его разведением. Полагаю, опыта в этом у них не намного меньше, чем у орков. Как видишь, мы нашли уже два варианта вполне успешного развития событий. Я бы, к слову, предложила использовать оба.

– И договариваться с орками после всего что было?! После тысяч лет вражды? Войн? Смертей?! – взревел огромный, теряющийся в сумраке пещеры дракон.

Взревел так, что с потолка рухнуло несколько камней, но Тэхарс тут же прикрыл меня крылом, так что я, вполне ожидаемо, не пострадала, пострадал он и, смахнув камни, теперь сидел и шипел от боли. Забавно, начинаю привыкать к своей неприкосновенности, еще немного – и уверюсь в неуязвимости.

Едва дракон успокоился, наставительно посоветовала:

– Не оглядывайся на прошлое, Тэхарс, думай о будущем. О будущем твоего народа. Поверь, если бы речь шла о будущем моего народа, я бы пошла на все.

Дракон хотел было ответить, но тут от порога раздалось насмешливое:

– К примеру, согласилась выйти замуж, да, нежная моя?

– Именно, – подтвердила я, глядя на дракона. – Но искренне радует, что Тэхарсу подобное не грозит.

– Естественно, нет, – произнес кесарь с издевкой и добавил: – Он же не ты.

Я обернулась ко входу, встретилась со взглядом ледяных сверкающих глаз и улыбнулась. Улыбка сошла на нет, едва я увидела, что император Эрадараса использовал в качестве средства для передвижения не портал, нет, это был огромный сверкающий золотой дракон, целиком и полностью состоящий из золотых искорок.

– Зарры?! – скорее утвердительно, чем спрашивая, произнесла я.

Кесарь отвечать не стал, разумно рассудив, что риторические вопросы ответа не требуют. Но, едва он вошел в пещеру, я поняла, что суть молчания заключалась в ином – Араэден безмерно, жутко, смертельно устал. Устал настолько, что едва мог передвигаться, но при этом все равно шел. Уверенной гордой поступью истинного повелителя всех доступных ему земель. И недоступных тоже…

Проследив за тем, как, раздеваясь на ходу, кесарь прошел в глубь пещеры, где в созданной природой чаше начал ожесточенно омывать лицо, шею, широкие, увитые мускулами, словно канатами, напряженные плечи, я поняла, что его непобедимое бессмертие явно столкнулся с неразрешимой задачей.

– Я был бы искренне рад хотя бы минуте, свободной от твоих комментариев, – раздраженно и не оборачиваясь, произнес кесарь.

– Я была бы искренне рада отсутствию у вас способности слышать все мои комментарии, – не менее раздраженно ответила императору.

Похоже, день не задался с утра.

Но это никоим образом не отразилось на моей готовности продолжить дискуссию. И, пораскинув мозгами на тему, с чем же таким непобедимым мог столкнуться наш непобедимый, я вспомнила о реке, широкой, магически непреодолимой полосой разделяющей этот мир на две половинки. И пожалуй, не знай я кесаря так, как во всем этом мире его знаю только я, решила бы, что созданный из смертоносных частиц дракон является не чем иным, как попыткой впечатлить противников и восхитить союзников. Но Араэдена я уже знала. И, памятуя об императорском дворце в Праере, понимала, что впечатлять кесарь явно не планировал. Планировал преодолеть преграду.

– Эхея? – задала вопрос вслух.

Властитель Эрадараса не ответил. Пресветлый сейчас стоял, упираясь руками в края этой, образно говоря, чаши, и, опустив голову, кажется, наблюдал за тем, как с кончиков его волос, едва ли не застывая на лету, капает вода.

– Да, – ледяным, не менее ледяным, чем завывающий среди заснеженных гор ветер, тоном подтвердил он.

– Мм-м, помочь? – даже не знаю, почему предложила я.

– Спасибо, справлюсь, – все так же холодно ответили мне.

Вот и чудненько, мне меньше проблем.

Но к слову о моих проблемах:

– Мой кесарь, если вы отмокли уже до нужной кондиции, я бы с радостью вернулась во дворец. – И добавила на случай, если забыл: – Дел масса, я бы даже сказала, непочатый край.

Ответом меня не удостоили.

Кесарь продолжал стоять так, словно ставил эксперимент по замерзанию воды на его собственных волосах, и такие мелочи, как мои желания, интересовали его меньше всего. Что в принципе не удивительно и даже уже вполне привычно, но от этого не менее обидно. В конце концов, я уже даже не наследница, а полноправная императрица Сатарэна, и абсолютное игнорирование моей необходимости вернуться к работе уже даже не то что обижает – бесит! У меня всего год, это смехотворно малый срок для задачи подобного масштаба, и терять время, сидя в драконьей пещере, я…

– Богиня моя, просто – умолкни! – вдруг прорычал кесарь.

Странное дело – пару минут назад рычал Тэхарс, да так, что дым, огонь, сотрясающиеся стены, падающие камни, но в тот момент страшно не было, страшно стало сейчас. Я умолкла, кутаясь в одеяло и глядя на мускулистую кесаревскую спину с бессильной яростью, но старалась об этом не думать. Вообще ни о чем, связанном с императором, не думать.

Мысленно вернулась к разговору с Тэхарсом, ныне старательно прикидывающимся не драконом, а так, частью обстановки, и вспомнила, что, кажется, не дала ему развить мысль на счет меня и бревен.

– Тэхарс, любезный, так а что вы там говорили про леса нарийских дриад и невозможность вашего захоронения в указанном месте, по причине, цитирую, «я

бы на твоем месте не стал туда соваться»?

И едва вопрос отзвучал, поняла, что дракон не дышит. Вот до этого момента он хоть и прикидывался каменным изваянием, но дышал. А теперь из черных ноздрей не вырывалось ни облачка пара. И Тэхарс косил взглядом… не на меня. На кесаря. Кесаря, который медленно, угрожающе медленно повернул голову и посмотрел на заметно сереющего дракона. Кажется, про нарийские леса мне знать не полагалось…

– Тэхарса не убивать! – решительно потребовала я.

Дракон метнул на меня испуганный взгляд, кесарь даже не пошевелился, продолжая убийственно взирать на несчастного главу крылатого народа. И я откровенно занервничала:

– Мой кесарь, Тэхарс – мой телохранитель, соответственно, работает на меня, вы обещали интересоваться моим мнением в случае возникновения у вас желания убиения моих подчиненных. Доношу до вашего сведения свое категоричное «нет»!

Меня игнорировали. Дракон серел, практически сливаясь с камнем, кесарь, кажется, вымещал на нем всю свою ярость от провала, что вообще было зверской несправедливостью!

– Справедливость и животные – несовместимые понятия, нежная моя, – вдруг произнес кесарь.

И резко повернулся ко мне.

Сереющий дракон начал стремительно возвращать темно-коричневый окрас чешуи, что откровенно порадовало.

И тут пресветлый великий Араэден взбешенно прошипел:

– Потрясающее непостоянство, нежная моя!

– Это вы сейчас о чем? – невозмутимо поинтересовалась, старательно посылая Тэхарсу мысленные предложения свалить отсюда, пока у некоторых не пройдет очередной приступ убийственных намерений. Просто мне не хотелось, совершенно не хотелось лицезреть сгорание дракона заживо, хватало всех тех айсиров, которых кесарь уже сжег на моих глазах.

Замерла, заметив взгляд, которым в данный момент его бессмертие испепелял меня, нервно улыбнулась и, вернувшись к его словам, заметила:

– Да я вообще в целом весьма потрясающая личность, мой кесарь. – И, не выдержав, сорвалась: – Тэхарс, вы вдруг стали неимоверно невосприимчивы к моим мыслеобразам, так что скажу прямо – вон отсюда!

Дракон опрометью бросился к выходу, и спустя краткий миг его стремительного полета к горизонту мы с кесарем остались одни. А впрочем, о чем это я – не одни, нет. Остались я, кесарь и его ярость по поводу временного поражения.

Неожиданно губы кесаря дрогнули, и Араэден совершенно спокойным тоном поинтересовался:

– Временного?

– А вы в себе сомневаетесь? – удивленно спросила я.

И удивление было совершенно искренним.

– Нет, – холодно ответил император.

– Вот и я в вас совершенно не сомневаюсь, – печально сообщила ему.

Печаль была тоже совершенно искренней. Говоря откровенно – хотелось бы усомниться, да не приходится. В смысле, поводов не было, нет и, боюсь, не предвидится.

– Какая вера в меня, нежная моя, я поражен, – саркастично произнес император.

После чего вновь, развернувшись к уже использованной вдоль и поперек чаше, начал было умываться… ровно вот до того момента, как я про чашу подумала.

– Я не использовал ее вдоль и поперек! – с яростью прорычал кесарь.

И я начала старательно думать о красоте этих крайне странных на все вершины гор, и о снеге, их покрывающем, о зеленоватом оттенке неба, о… звездах. А почему я вдруг подумала о звездах?

– Кари, – позвал вдруг кесарь, отвлекая от мыслей о звездах, чтобы сообщить печальные известия: – Я расширил границы моего восприятия твоего сознания на весь Эрадарас.

Едва не свалилась с кровати. Видимо, от радости.

– Ты так забавно злишься, нежная моя, – продолжил император.

И что бы это значило?!

– То, что ты злишься? – насмешливо переспросил кесарь.

– Расширение границ вашего контроля надо мной! – не поддалась я на подначку.

Меня… в очередной раз проигнорировали. Кесарь вновь принялся плескаться в уже пользованной воде… В ожидании посмотрела на императора, но мне ответили насмешливым:

– Я тоже поддаваться не намерен.

«А жаль», – раздраженно подумала я.

Продолжая издевательски молчать, властитель Эрадараса доплескался, после создал полотенце, тщательно его использовал, насмешливо поглядывая на меня при этом.

– Слово «использовать» звучит пугающе часто, – пояснил он причину своей насмешки.

– Оно вообще не звучит! – раздраженно ответила я.

– Логично, – проявил неожиданное согласие кесарь.

После чего прошел к постели, и я уже почти смирилась с тем, что нашей общей, по причине чего была несколько недовольна тем, что мою собственность таскают по всяческим пещерам совершенно без объяснения причин!

– Недовольная моя, причина слишком очевидна, чтобы я брал на себя труд ее озвучивать.

Всегда в глубине души знала, что он ленивый, но чтобы настолько?! Хотя чему удивляться после всего, что я видела в Праере.

– Ты невыносима, – заметно сдерживая улыбку, произнес кесарь.

После лег в изножье кровати, вытирая руки, и выразительно посмотрел на меня. Я на него, обратив внимание на то, что на полотенце появляются, а затем практически сразу исчезают кровавые отпечатки. Присмотрелась к ладони кесаря и поняла, откуда кровь.

– Это не стоит твоего внимания, сейчас все пройдет, – учтиво сообщили мне. После чего император поинтересовался: – О причине догадалась?

Откинувшись на подушки, поправила одеяло, максимально укутываясь, и проанализировала события вчерашнего дня. Итак, что у нас вчера было:

1. Обозвала этот мир – плюс во всем, включая последствия.

2. Испытывала на себе одновременно два весьма сомнительных удовольствия: поцелуи кесаря и атаку темных – минус, но без последствий.

3. В моей команде появился Адрас – несомненный плюс.

4. Начала разбирательства с лордом Ларвейном, конкретно с ним мы и разобрались, с самим Лунным дворцом разбираться еще предстоит – плюс.

5. Основала первый из свободных человеческих городов – плюс, жду последствий.

6. Удалось провести успешные переговоры с гномами – плюс, также в ожидании внушительных перспектив.

7. Не удалось договориться с Акьяром – минус, но без последствий.

– Нежная моя, а ты в этом уверена? – вкрадчиво поинтересовался властитель Эрадараса.

– Не сомневаюсь даже, вы сами сказали, что все последствия возьмете на себя, соответственно, лично для меня да, без последствий, – гордо ответила я.

А вот мысли, в отличие от произнесенных слов, были иными. Совершенно иными. Акьяр принц Ночного ужаса – грозный противник, слишком грозный, чтобы оставлять его в живых теперь, когда стало ясно, что союзником он не станет. Впрочем, вспомнив его вчерашнее послание, решила, что так даже лучше. Я так поняла, из темных самые нормальные – это Адрас и Юранкар, остальные на всю голову странные, безмерно жестокие и да, имеют виды на гномских женщин.

– Извращенцы, – посмеиваясь, произнес кесарь.

– И не говорите, – вставила я.

– Я и не говорил, лишь резюмировал твои выводы, но…

Взгляд его серо-призрачных глаз заметно стал темнее, и кесарь произнес:

– Нежная моя, из всех моих… «братьев», – он выделил это слово интонацией, – Акьяр единственный, кто, поставив цель, начинает фанатично ее добиваться. Не видя преград, не учитывая последствий, не замечая никого и ничего вокруг.

Да, я это поняла, причем сразу. Поэтому и готова была практически на все, лишь бы перетянуть принца Ночного ужаса на нашу сторону. И будем откровенны – я понятия не имею, в чем был мой просчет. Акьяр принял вызов, явился во дворец кесаря, бросая уже собственный вызов – и не мне, мы вполне мило беседовали… Что пошло не так?! Где я ошиблась? Не знаю, но начинаю осознавать, насколько кесарь был прав, предупреждая об опасности игр с чувствами темных. Впрочем, чувства никогда не были моей сильной стороной, мне в целом не следовало в это лезть. Вот только вариантов особо не было – так уж созданы мужчины, что их привязанность к семье можно уничтожить только одним способом – привязанностью к женщине. Что ж, по крайней мере, я попыталась. А жизнь такая штука, что лучше сожалеть о содеянном, чем о том, что не успел сделать.

– Согласен, – продолжая вытирать сочащуюся из-под ногтей кровь, подтвердил кесарь. – И в чем-то твой просчет оказался верен – Акьяр со скандалом ушел из семьи, утратив всяческий интерес к устремлениям правящего рода и в целом к Тэнетру. Он вышел из этой весьма – до вчерашней ночи – увлекательной игры. А знаешь почему, нежная моя?

Помня все сказанное о принце Ночного ужаса, предположила:

– У него появилась цель?

– Именно, – подтвердил кесарь, пристально глядя на меня.

Выразительно и с намеком. С конкретным намеком!

– Нет… – прошептала, отказываясь верить. – Нет-нет-нет, только фанатичного темного мне сейчас и не хватало!

Тысяча дохлых гоблинов и беспрерывный Народный суд, это провал! Просто полный и абсолютный провал! И что мне делать?!

Я вскочила с постели, содрогнулась от продувшего, казалось, до костей ледяного ветра, вернулась, закутавшись в одеяло, села. У меня была паника. При этом никакого страха – за себя я не боялась совершенно, уже привыкнув к постоянной защите кесаря и чувству собственной неуязвимости вследствие этого, но…

Но, Великий Белый дух, борьба с Акьяром и усиление моей безопасности, во-первых, сожрет массу жизненно необходимого мне времени, а во-вторых, жестко ограничит в передвижениях. Потому что Акьяр на «А», а значит, противостоять ему в случае несомненных нападений смогут только Адрас и кесарь. Но вот на Адраса я бы сейчас рассчитывать не стала, Акьяр, несомненно, знает обо всех сильных и слабых сторонах брата и просчитает его на раз.

Дохлый гоблин!

– Да, в ситуации ты разобралась мгновенно, нежная моя. – Кесарь осмотрел пальцы, кровь с которых сочиться перестала, перевел взгляд на меня и сообщил: – Но, как и всегда, упустила важный и во многом фактически решающий нюанс. Впрочем, в этом вся ты.

Он поднялся, прошел к выходу из пещеры и встал там, продуваемый ледяным ветром и, казалось, совершенно этого не замечающий.

А я ждала неминуемого приговора.

И он последовал:

– Из дворца без меня ни шагу. В те редкие моменты, когда я буду действительно занят, ты будешь находиться здесь.

Это конец. Это просто конец.

– Я предупреждал, нежная моя, – обернувшись и взглянув на меня, напомнил император. – В любом случае ничего фатального не произойдет, это я тебе гарантирую.

– Ничего фатального?! – сорвалась на фальцет.

И я бы еще сорвалась на что-либо, но под ледяным взглядом кесаря погиб не один душевный порыв, мой постигла та же участь.

– Ладно, – нервно выдохнула, – и сколько времени вам потребуется на то, чтобы устранить Акьяра?

Кесарь не ответил.

Несколько секунд ветер продолжал развевать пряди его волос, покрывшиеся на кончиках льдом, овевать тело императора изморозью, припорашивать сорванными, видимо, с ближайшей снежной вершины снежинками, которые скользили по слишком смуглой для элларов коже, не касаясь ее… Но одно движение владыки Эрадараса, и снег закрутился вихрем вокруг него, а на теле пресветлого словно из самого этого снега соткалась белоснежная рубашка, темно-серые мятые брюки сменились алебастрово-белыми, сапоги остались все того же гранитного цвета, серый сверкающий камзол довершил образ.

В следующее мгновение пещера истаяла, обратившись нашей уже, к гоблинам, общей спальней, в центре которой на этот раз журчал фонтан, а у окна был сервированный к завтраку стол.

– Я жду тебя, нежная моя, – произнес кесарь, направившись к нему.

Медленно поднявшись с кровати, я, все еще зябко поеживаясь после ледяной пещеры, направилась в ванную, размышляя о необходимости размещения запаса на случай очередной экстренной ссылки прямо в постели. Как минимум стоит спрятать под матрасом несколько книг, желательно из тех, что являются образовательным минимумом в Эрадарасе. Тогда, по крайней мере, скучать не придется. С другой стороны, мне в любом случае скучно не будет, например, слетаю с Тэхарсом на переговоры с орками.

После теплой ванны я завернулась в банный халат и отправилась было завтракать, когда в дверь осторожно постучали.

Кесарь, попивающий воду, мгновенно поднялся и направился к двери, молча указав мне на столик. Причем дверь он не просто открыл, подойдя к ней, он вовсе скрылся за ней, прикрыв за собой.

Не то чтобы меня расстроила перспектива завтракать в одиночестве, но мне же потом как-то полагается одеваться. И в отличие от процесса надевания одежды Рассветного мира в этом, самостоятельное облачение представлялось мне смутно.

Завтрак был традиционным – кубики сыра белого, зеленоватого, синеватого цвета, варианты джема самых забавных расцветок, кусочки рыбы, судя по виду сырой, белые, абсолютно белые, словно вареные, булочки.

Я развлекала себя тем, что пробовала каждый сыр, беря маленький кубик и макая его в очередной джем. Выходило странно и безвкусно… есть не хотелось совершенно. Хотелось встать и заорать изо всех сил, пнуть что-либо, закрыться в ванной комнате и бить, бить, бить стену изо всех сил…

Отчаяние, в десятки, сотни, тысячи раз более жуткое, чем в момент, когда я оказалась за пологом Готмира, просто душило.

Но я справлюсь. Вперед и только вперед. Не оглядываясь, не сомневаясь, не отчаиваясь.

Открывшаяся дверь вернула кесаря. Тот, пройдя через спальню, сел напротив, окинул взглядом горку надкушенных сырных кусочков в разноцветном желе, посмотрел на меня, усмехнулся, укоризненно покачав головой, и произнес:

– Гармония, нежная моя, во всем нужна гармония.

Он взял ломтик черного хлеба, расположил на нем кусочек сырой рыбы, полил все это темно-вишневым соусом и подал мне. Не став возражать, попробовала, кивнула, полностью удовлетворившись вкусом, и, прожевав, спросила:

– Что вы намерены делать далее?

– Собрал военный совет, – задумчиво ответил император, создавая себе бутерброд, подобный тому, который сделал для меня. – Поэтому до середины дня ты можешь передвигаться по дворцу совершенно свободно, в императорской канцелярии тебя уже ожидают. Понимаю, что ты привыкла иметь возможность управления на местах, но до решения возникшей проблемы дворец не покидать.

Далее завтрак протекал в полном молчании. Кесарь ел быстро, явно торопясь, мне следовало бы поторопиться тоже, но я все не знала, как бы сформулировать вопрос… К счастью, не пришлось.

– Просто скажи «рабыни», – несколько раздраженно произнес Араэден.

– Рабыни! – громко сказала я.

Тот час же открылась дверь, и совершенно бесшумно явилось человек пятьдесят.

Молча посмотрела на кесаря. Тот невозмутимо сообщил:

– Ты не указала количество, поэтому явились все пятьдесят пять твоих рабынь.

Вновь переведя взгляд на девушек, исключительно из вредности пересчитала – сорок девять. Сорок девять запуганных, бледных, местами, в смысле ладонями, подрагивающих.

– Так, я не поняла, – произнесла, пересчитывая повторно, – почему недобор? Где еще шестеро?

Рабыни перестали даже дышать, хотя и до этого дышали чуть ли не через раз.

Я же вдруг вспомнила сказанное Тэхарсом: «Полетят головы» – и медленно, очень медленно повернулась к кесарю. Его императорское владычество продолжал невозмутимо завтракать, совершенно и полностью игнорируя мой взгляд. Я продолжала смотреть. Он – молчать. Я понимала, что предъявляю сейчас претензии к тому, кто не принимал их на свой счет в принципе, считая себя истиной в последней инстанции, и все же…

– И все же, нежная моя, – вдруг, посмотрев мне в глаза, на оитлонском произнес кесарь, – двое суток назад я пощадил Эдогара, сегодня – Тэхарса.

Сложив руки на груди, также на языке, который был языком моей души, иначе не скажешь, холодно спросила:

– И все же… сколько можно?

Кесарь медленно поднялся, швырнув салфетку на пол. Вызвал портал и, исчезая в нем, бросил напоследок ледяное:

– Доброго дня, нежная моя.

Да, и утро не задалось, и день определенно не задался тоже.

– Платье и вино, – приказала я.

Рабыни метнулись исполнять приказание.

* * *

Первый бокал я выпила, сидя все так же за столиком и крохотной серебряной ложечкой доедая зеленоватое желе с мятным привкусом.

Второй – уже в гардеробной, отметив, что ткань второго, стягивающего платья сегодня даже приятнее на ощупь и по восприятию, чем вчера. Затем последовало третье платье. После мои волосы расчесали и тщательно заплели.

А на третьем бокале в гардеробную, где уже приступили к обуванию императрицы, то есть меня, заявилась свекровь.

Пресветлая Эллиситорес вплыла белой лебедицей, остановилась в шаге от входа, оглядела меня с восхищением, рабынь – с пренебрежением, бокал вина в моей руке – с недоумением, собственно, меня после всего этого с осуждением, и я гордо подтвердила:

– Спиваюсь!

Возмущенная пресветлая возмущенно набрала воздуха, видимо, чтобы облечь собственное возмущение в словесную форму, и… и определенно начала отсчитывать. Я ради интереса посчитала тоже – дошла до тридцати семи, когда Эллиситорес, наконец, произнесла:

– Но разве полагается пить той, кто несет дитя во чреве?!

Я подавилась! Закашлялась и, дабы облегчить свое состояние и как-то сгладить факт испачкавшегося третьего платья, одним махом допила все вино до конца. Эллиситорес… считала. Пока она отсчитывала про себя, пытаясь придать нашей беседе светский оттенок, мне сменили третье платье и покров на голове, прежний я в приступе неудержимого кашля умудрилась так же облить вином. После чего я потребовала еще вина. В приказной и ультимативной форме, сообщив, что либо я получаю вино, либо… я получаю вино. Впечатлившись возможностью дарованного выбора, мне тот час же принесли требуемое, и даже в новом бокале.

Пресветлая перестала считать, гневно посмотрела на меня и гневно начала было:

– Звезда моя, вино – яд, позволенный лишь мужчинам, а ты…

– Примерно то же самое, только в юбке, – устало сообщила ей. Потом взглянула на себя и поспешила исправиться: – В смысле, в первом платье, втором платье, третьем платье, куске тряпки на голове и с ободком, сей кусь тряпки придерживающем. И на этом, полагаю, дискуссия окончена, потому что к тому моменту, как вы перестанете про себя отсчитывать секунды, положенные в свете для продолжения светской же беседы, я успею дойти до императорской канцелярии. Сиятельного дня, пресветлая.

С этим, изобразив полупоклон, я направилась к двери, одной рукой придерживая юбку, второй крепко удерживая бокал с вином.

Но едва, обойдя по дуге свекровь, я вышла в спальню, чтобы далее проследовать в коридор, меня остановил окрик решившей прекратить соблюдение этикета Эллиситорес:

– Звезда моя, мне необходим твой совет.

И я затормозила. Медленно повернулась к матери кесаря и вопросительно посмотрела на нее, ожидая продолжения. Пресветлая догнала меня, замерла в шаге и, понизив голос, скорбно вопросила:

– Пресветлая императрица, известно ли вам, что ваш супруг с момента возвращения не посещает императорский гарем?!

Сказано это было с такой интонацией, что звучало как «мой маленький мальчик вторую неделю ни гоблина не жрет, отощал вконец, на ладан дышит». Но в общем и целом проблемой я лично не впечатлилась, мне, если честно, было абсолютно все равно – посещает великий и бессмертный свой гарем или не посещает. Однако, судя по выражению лица Эллиситорес, происходило что-то даже не то чтобы из ряда вон выходящее, а вконец фатальное и близкое к концу света.

– Мм-м, – глубокомысленно протянула я, делая еще глоток вина и чувствуя, как медленно, но верно ширится и множится моя глубокомысленность.

Сочтя этот звук высочайшей степенью выражения сочувствия, Эллиситорес продолжила, срываясь на фальцет, прямо как я недавно:

– Это трагедия, звезда моя! Мой сын всегда отличался исключительным темпераментом!

Да ему триста лет в прошлом году стукнуло, всеми королевствами отмечали, собственно, наплевав на летописи, гласящие, что никакие не триста, а все триста двадцать семь, однако не суть – лично по моему скромному мнению, кесарю в принципе давно пора было бы забыть о темпераменте в общем и о гареме в частности.

Но вслух выдала все то же:

– Мм-м.

И снова была неверно понята, в смысле, пресветлая продолжала искренне верить, что нашла в моем лице благодарного слушателя.

– Я предположила, – понизив голос почти до шепота, начала она, – что дело в его заточении в вашем мире и изменившихся вкусах. Но накануне он даже не взглянул на человеческих наложниц!

Патетика, фальцет, страдание в глазах и даже заблестевшие во все тех же глазах слезы.

– Звезда моя, я понимаю, что мой великий сын… – Она не стала договаривать и сразу выдала: – Забота о мужском благополучии – прямая обязанность супруги, Кари, ты должна мне помочь!

На этом благостное расположение расслабленного духа, дарованное хмельным напитком богов, дало сбой, и я нервно спросила:

– Простите, озаренная светом, помочь конкретно в чем?

И я была снова не понята. Вопрос, причем прямой же вопрос, был воспринят как мое абсолютное и бесповоротное согласие, после чего пресветлая, выпрямив спину, хотя, на мой взгляд, прямее было уже некуда, развернулась и поспешила прочь, пребывая в святой уверенности, что я последую за ней.

Я… последовала.

Из любопытства. И потому что захмелела уже настолько, что сильно тянуло на Динара… в смысле, на приключения.

И они начались!

Приключения эти.

Они начались прямо в коридоре, когда я узрела не один, а целых два ряда охраны по обеим сторонам коридора. И когда моя доблестная охрана, вдруг скомандовав «стоять», истыкала копьями пустое пространство вокруг меня и Эллиситорес. Истыканное пространство обиженно промолчало, пресветлая испытание выдержала с присущим ей достоинством, а я не удержалась от замечания:

– Паранойя – заразная ты сволочь.

После чего пошла вслед за свекровью по коридору, воздух в котором продолжали протыкать насквозь впереди и позади нас. Да, будь Акьяр здесь, истыкали бы его, несомненно, и если бы мухи летали, им бы тоже было несдобровать, а так в целом смотрелось до крайности глупо.

С другой стороны, определенный смысл в этих действиях был: во-первых, все двигались, то есть, если бы кто-то из стражей замер, как вчера, это было бы заметно, во-вторых, никакие чары невидимости не помогут, если в тебя одновременно с десяток копий воткнут, в-третьих, все равно глупо. Действенно, конечно, но глупо.

По продырявленному копьями пространству мы прошли в конец галереи, что была недалеко от нашей с кесарем спальни, по меркам пресветлых, недалеко – всего каких-то шагов триста, после чего стражи распахнули переливающиеся серебром и поэтому отдаленно напоминающие зеркальные струи дождя двери. И мы вошли в помещение, где охранниками выступали уже люди. В смысле, мужчины. Поголовно лысые, без единого волоска на теле, эти одетые в прикрывающую внушительную мускулатуру кожаную сбрую индивиды разом опустились на левое колено при нашем появлении.

– Евнухи? – поинтересовалась я, в принципе сталкивающаяся с устройством либерийских гаремов.

Но то ли слово не верно перевела, то ли тема была запрещенная, в любом случае пресветлая не ответила и поспешила далее, в проход, двери к которому рабы также услужливо распахнули. Я же подзадержалась, просто очень заинтересовали эти человеческие индивиды. Они были украшены неприметными с первого взгляда золотистыми кольцами. Кольца пронизывали их уши, основание носа, брови, у некоторых места на лице не хватало, и потому колечки были нанизаны уже на кожу рук, плеч, груди.

– Что это? – спросила я у ближайшего.

Раб дрогнул и стремительно опустился на колени. В смысле, до этого стоял на одном, теперь устроился на обоих. Я полагала, он заговорит после данного акта более удобного расположения, но нет, раб молчал.

– Это свидетельства его побед, пресветлая, благословленная светом императрица, – раздался приятный женский голос.

Я повернула голову на звук и увидела самую красивую девушку из всех, что мне когда-либо доводилось встречать.

Лорианне до подобной красоты было, как ползком до Готмира, а, впрочем, нет – гораздо дальше. Девушка казалась идеальной. Прекрасная белая кожа, безукоризненной формы тело, точеные ножки, водопад сверкающих рыжеватых волос и лицо, на которое хотелось смотреть и смотреть. И сложно было сказать, кто передо мной – человек или эллара. Для человеческой девушки она была слишком идеальна, для эллары – обладала излишне округлыми формами. Впрочем, я не так много видела девушек светлого народа, чтобы судить, так что, вполне вероятно, ошиблась. Однако могла утверждать совершенно безошибочно – это была любовница кесаря. Вероятно, бывшая, если учесть стенания Эллиситорес, но совершенно точно являющаяся ею достаточно продолжительное время. Просто у кесаря волей-неволей перенимаешь этот замедленный поворот головы, эту уверенную властность, эту готовность сражаться за поставленную цель. У данной девочки цель была. Определенно. Для людей моего положения подобное всегда предельно очевидно.

И целью самого прекрасного из когда-либо виденных мной существ являлось возвращение в постель императора… Прискорбно, конечно. Достаточно умная, чтобы не встречаться с матерью кесаря, достаточно смелая, чтобы свободно заговорить со мной, невзирая на явно имеющийся запрет (не зря же рабы молчат), предельно осторожная – она стояла возле глухой ниши, бросая на меня внимательные взгляды из-под опущенных ресниц, и готова была в любой момент скрыться в этой нише вновь. Значит, просчитала, что Эллиситорес направится за мной, и выжидала здесь все это время. Умненькая девочка и красивая же до безумия. Могла бы уйти из дворца, учитывая, что кесарь интерес к ней потерял, он бы не преследовал, он вообще легко отпускал женщин, еще и одаривал напоследок, причем весьма щедро. А дальше такой красавице устроиться в жизни было бы не сложно… Но нет. Глупо. Весьма и весьма глупо.

– И как долго вы были его любовницей? – сделав глоток вина, прямо спросила я.

Полуодетая прелестница, стремительно побледнев, напряженно ответила:

– Два.

– Года? – уточнила я.

– Месяца, – сникла она.

И что тут сказать?! Сказать было нечего, посему я просто спросила:

– От меня чего хотите?

Далее последовал не самый умный шаг – девушка рухнула на колени, заломила руки и собралась устроить целое представление, правда шепотом, видимо, чтобы Эллиситорес не вернулась, но я пресекла это дело в зародыше, сообщив:

– Или вы поднимаетесь, или я отказываюсь от попытки вас выслушать.

Она не поднялась – подскочила. И сильно удивила меня промелькнувшим в прекрасных голубых глазах гневом.

– Откуда вы? – поинтересовалась, вновь делая глоток вина. – Рабыня?

Девушка, едва ли старше меня, а возможно ровесница, вскинув подбородок, гордо ответила:

– Я из свободных. Я пришла за ним сама, по своей воле! По собственной воле я здесь! Я… просто хочу увидеть его еще раз. Еще хотя бы один раз… молю вас, я…

В этот момент как-то совершенно неожиданно вернулась Эллиситорес, постояла (да, снова отсчитывая про себя) и произнесла:

– Звезда моя!

После чего направила гневный взгляд на прекраснейшее создание, которое, будучи охвачено эмоциональным порывом, не успело укрыться от ее зоркого взгляда. А взгляд у моей свекрови оказался более чем зорким – за долю секунды она оглядела всех коленопреклоненных рабов так, что с ходу стало ясно: им это с рук не сойдет – сойдет пара слоев кожи со спины, под ударами кнутов, затем пресветлая глянула на девушку. И в этом взгляде читалась смерть. Просто смерть. Исключительно смерть.

– Как она вам? – решила я вмешаться. – Миленькая, правда?

Свекровь взглянула на меня с некоторым недоумением.

– Думаю взять к себе в услужение, – продолжила я, невинно улыбаясь, – такая хорошенькая, смотреть приятно.

Не знаю, как тут со вкусами у пресветлых леди, но судя по тому, как скривилась Эллиситорес, эту конкретную девушку красивой она не считала. Но и открыто спорить со мной поостереглась.

– Звезда моя… – осторожно начала было пресветлая.

– Не обсуждается. – Моя улыбка стала шире и лучезарнее.

И мы друг друга поняли мгновенно.

– Как пожелаешь, звезда моя, – пролепетала Эллиситорес.

– Спасибо, пресветлая матушка, – в тон ей ответила я.

Нам обеим понравилось. Мне – ее покладистость, ей – мое обращение.

Далее мы прошли в гарем, и мне понравился ассортимент. Ассортимент был широк, внушителен и наделен многочисленными достоинствами. Для лучшего лицезрения всего масштаба имеющегося ассортимента прелестницы – и виденная мной в предбаннике гарема девушка внешне уступала тут поголовно практически всем – выстроились в ряд. Такой изысканный, одетый лишь в драгоценности, откровенно смущающий меня обнаженными телами ряд.

Прикрыв «ассортимент» бокалом вина, дабы избавить себя от лицезрения выставленных на показ частей тела, я сдержанно спросила у пресветлой:

– Простите, озаренная сиянием, не могли бы вы поточнее сообщить, в чем конкретно я могу оказать вам посильную помощь?

Взглянув на меня, как на самое недогадливое существо в мире, Эллиситорес с легкой ноткой раздражения ответила:

– Указать на тех, кто имеет шансы привлечь внимание моего сына, звезда моя.

М-да…

Я постояла, глядя на вино и не глядя на голых девушек, потому что не знаю, как им за себя, а вот мне за них было стыдно.

– Звезда моя, тебя что-то смущает?

Голые женщины!

Но вслух любезно-учтиво-лживое:

– Эти украшения – совершеннейшая безвкусица.

– О! – воскликнула пресветлая. И тут же с энтузиазмом предложила: – Приказать снять их?

Только не это!

И я уже собиралась было намекнуть Эллиситорес, что была бы рада увидеть девушек в чем-нибудь более существенном, чем украшения… но не успела.

В следующее мгновение распахнулась дверь, являя на пороге обители разврата собственно того, ради кого в этой задрапированной обители разврат и ставился во главу угла. Но почему-то с появлением главного действующего лица вместо разврата здесь воцарился ужас, причем жуткий, и все прелестницы разом рухнули на пол, еще и согнулись, так что прикрыли все смущающее меня, позволив окинуть взглядом предбанник гарема… И тут я поняла странное – здесь были зеркала. Здесь повсюду были зеркала. Множество зеркал во всю стену, в которых должны были отражаться эти наложницы. Много, много зеркал… Ныне задрапированных тканью.

– Во дворце траур? – поинтересовалась, игнорируя появившегося кесаря и, будем откровенны, не совсем трезвой походкой направившись к ближайшему зеркалу.

Чтобы вздрогнуть, едва оно вдруг взорвалось тысячей осколков, изодрав прикрывающую его ткань и не коснувшись меня ни одним кусочком стекла.

Наверное, следовало остановиться, но я, движимая каким-то странным чувством, медленно направилась к следующему – оно взорвалось сверкающей россыпью, как и первое. Та же участь постигла третье, четвертое, пятое, шестое, седьмое, восьмое, девятое зеркала… А я, совершив круг, вновь вернулась к двери, подошла к императору и почему-то спросила:

– Вина, мой кесарь?

Он молча, глядя мне в глаза, отобрал у меня бокал, и тот исчез, словно его и не было.

А затем меня вдруг накрыло странное ощущение, словно здесь вообще никого больше не было, только я и кесарь. Я и он. И ничего между нами, включая едва ли не подрагивающий от напряжения воздух, этот мир, мой мир, звезды… вообще ничего. Я и он… Жуткое ощущение. И жуткое осознание.

– Зеркала закрыты из-за меня? – спросила вслух, хотя прекрасно понимала, что, задай я этот вопрос мысленно, была бы услышана.

Но я спросила вслух, на их, светлом языке, краем зрения отмечая, как вздрогнула Эллиситорес, невольно подтвердив мое предположение.

– Что ж, – я стоически перенесла и это, – надеюсь, хотя бы родной… в смысле, не родной отец узнает меня при встрече.

– Едва ли, – разрушил остатки моей надежды великий и бессмертный.

Я встретила очередной удар судьбы, даже не пошатнувшись. Есть вещи, о которых внутренне догадываешься, просто стараешься не думать… Вот и я старалась не думать, почему еще в Рассветном мире моя кожа стала бледнее на порядок… И почему тот же Юранкар не призналал во мне человека до тех пор, пока я не сняла покров с головы…

– Так, – медленно произнесла я, – сегодня будет скандал.

– Сегодня я занят, нежная моя, – мгновенно ответил кесарь.

Неодетые девушки заметно оживились, даже перестали смотреть исключительно в пол и подняли осторожные взгляды на нас. Эллиситорес же начала зорко высматривать, на кого падет взгляд кесаря. Но его взгляд упорно держался на мне, к нашему общему со свекровью и девушками искреннему сожалению.

– И чем же вы будете заняты, позвольте поинтересоваться? – собственно, поинтересовалась я.

Кесарь смотрел на меня совершенно без улыбки, холодно и даже зло. Я – в упор на него.

– Ты пьяна, нежная моя, – тихо произнес он.

Безразлично пожала плечами и, развернувшись, направилась к выходу. Впрочем, дойдя до дверей, обернулась и произнесла на языке элларов:

– Пришлите ко мне вашего секретаря.

– Зачем? – холодно спросил император.

– Внесу в ваше сегодняшнее расписание мою истерику, ваше императорское величество.

Ледяной взгляд в ответ.

– А вы полагали, что двадцатиоднолетняя девушка, пусть даже это и я, безразлично воспримет изменения в собственной внешности? – возмущенно спросила, повысив голос. И завершила уже совершенно спокойно: – Истерика неизбежна. Но так как в данный момент мне есть чем заняться, мы перенесем ее на время ужина. И мне совершенно плевать, заняты вы сегодня или нет. Ко всему прочему, я планирую как минимум три скандала. Для первых двух повод уже имеется, для третьего – найду. Жду вашего секретаря. Доброго дня, мой кесарь. Пресветлая матушка, полагаю, теперь, когда ваш сын имеет возможность сам лицезреть весь представленный ассортимент, я вам уже не

требуюсь.

Высказав все это, я вышла в преддверье разврата, в котором рабов мужского пола уже не наблюдалось, взглянула на ожидавшую меня бывшую любовницу кесаря и приказала:

– За мной.

И, несмотря на то что ее мечта, цель и идея фикс находилась сейчас совсем рядом, девушка поспешила за мной, с опасением поглядывая на двери в гарем, которые захлопнулись, едва я вышла. Что, впрочем, неудивительно – кесарь всегда считал, что разврат и я вещи несовместимые, даже срамную книгу отобрал в свое время. Так что да, я совершенно не удивилась.

Удивление вызвало иное – мы с моей новой знакомой едва ли шагов на сто отошли от входа в гарем, как оттуда, распахнув двери, выскочила Эллиситорес и, едва сдерживая слезы, опрометью бросилась в сторону витой лестницы, что для леди даже в моем понимании было не слишком приемлемо, а стражники так вообще потрясенно застыли. Но оружие не выронили – молодцы, хвалю.

А вот затем случилось страшное.

Отдаленный крик и алые брызги, окрасившие противоположную от дверей стену, трех застывших стражей и пол… Я даже не вскрикнула, в отличие от сжавшейся возле меня девушки. И не содрогнулась, в отличие от стражей.

Я просто поняла, что терпеть далее не намерена!

– Отправляйся в мои покои, скажи рабыням, чтобы нормально одели тебя, – приказала рыжей.

И уже собиралась пойти… убить кесаря, к примеру, как девушка, вдруг рухнув на колени, схватила меня за полу платья и торопливо зашептала:

– Нет, нет, пожалуйста, пресветлая императрица, есть лишь одно преступление, за которое он не щадит никого, не…

Договорить она не успела – в галерею вышел кесарь.

Высокий, выше всех присутствующих стражей в доспехах, неотвратимо надвигающийся на меня, словно ледяная глыба… Хотя о чем это я? Да любой айсберг по сравнению с кесарем просто образец теплоты, обаяния и нежности!

– Твое красноречие поражает, нежная моя, – продолжая идти ко мне, насмешливо произнес кесарь.

Он улыбался. Ласково. Убийственно ласково. А в его глазах за вечными льдами бушевало ледяное пламя ярости. Кесарь был взбешен. Взбешен настолько, что с его приближением по стенам галереи поползли черные трещины, заставившие в ужасе застыть стражников. Впрочем, они и так не дышали с момента появления императора. И у меня в целом складывалось ощущение, что в Эрадарасе в принципе дышать перестали с появлением кесаря!

Все, кроме меня.

Потому что лично я внезапно поняла, что, несмотря на пугающее приближение супруга, едва сдерживаюсь от вполне обоснованной злости. И я не знаю, что это – вино или мое терпение истощилось окончательно, но, не дожидаясь приближения кесаря, в данный момент являвшегося олицетворением самой смерти, я разгневанно высказала:

– Да сколько, к демонам, можно всех убивать направо и налево?!

В гнетущей тишине мой голос разлетелся словно крик, но это не остановило ни меня, ни продолжающего идти ко мне императора.

– Вы! – вот теперь это был почти крик. – Вы монстр! И внешне, и внутренне, и морально, и вообще абсолютно и полностью! Для вас чужая жизнь – пыль под ногами, вы ее даже не замечаете! Вы… вы готовы убивать без жалости и сожаления! Вы…

Кесарь медленно подошел ко мне, так близко, что, тяжело дыша, я невольно касалась вздымающейся грудью его тела, так же медленно наклонился, пальцем подцепив за подбородок, вынудив практически запрокинуть голову, и

издевательски поинтересовался, глядя мне в глаза:

– А много ли сожаления испытала ты, нежная моя, глядя вчера на останки лорда Ларвейна?

По спине прошелся холод.

А потом такой жар, и это был уже не гнев – меня охватила ярость:

– Смерть владетеля Лунного дворца была необходима и неизбежна. Он стоял на пути развития Сатарэна, я отдала приказ убрать его с дороги! Это исключительно политическое решение, и у него были объективные причины!

Кесарь улыбнулся и, склонившись почти к самым моим губам, тихо произнес:

– А почему ты решила, что я убиваю без причины?

Он задал вопрос на оитлонском, и мое сердце на миг дрогнуло, впитывая слова родного языка, как тепло солнечного луча, но я подавила этот отклик железным усилием воли и тихо ответила, исключительно на языке пресветлых:

– Потому что с самого моего детства я знаю вас как безжалостного убийцу, не щадящего никого и ничего вокруг, убивающего за малейшую провинность и даже не за неповиновение – за один лишь намек на него. Помнится, однажды вы сказали, что не нуждаетесь в оправданиях – так их и не существует! Ни единого оправдания для вашей чудовищной и не поддающейся пониманию жестокости. А что касается лорда Ларвейна, помнится, он начал первым, предприняв попытку организации моего убийства. Так что, по большому счету, я лишь нанесла удар, не дожидаясь, пока владетель Лунного дворца меня убьет. Пытались ли вас убить мои служанки, эти несчастные девушки в гареме, или, к примеру, Тэхарс?! Сильно сомневаюсь! Так что не стоит даже пытаться нас сравнивать, мой повелитель! Мы разные. Вы разрушаете, я созидаю. Вы – смерть, я – приемлемое существование для тех, за кого несу ответственность! Вы – монстр, а я просто вынуждена отдавать приказ об устранении тех, чье дальнейшее существование может стоить моей империи слишком многих жизней!

И развернувшись, я покинула кесаря, ощущая безумное желание попинать хоть что-то, раз уж пинание супруга возможным не представляется.

* * *

В императорскую канцелярию практически ворвалась, даже дорогу нашла сама и с первого раза. Войдя, торопливо пересчитала своих служащих, игнорируя их общее пожелание мне сияющего дня, и, лишь осознав, что все на месте, облегченно выдохнула.

– Утро не задалось? – лениво поинтересовался сидящий у окна в темном, словно подчеркивающем его расу кресле Адрас.

И я пошла к нему. Остановилась в двух шагах, сцепив руки за спиной и глядя в окно.

– Мм-м, – протянул принц, – все так плохо?

– Если учесть, что «хуже некуда» наступило с момента появления в этом мире, то, полагаю, термин «плохо» можно уже не использовать вовсе, – тихо ответила я.

– Понятно, – кратко ответил принц Мрака.

Едва ли ему было что-то понятно, но от его попытки поддержать мне стало немного легче. К сожалению, только немного. Глядя в окно, я заметила движение внизу, опустила взгляд и застыла – несколько стражников вытаскивали из озера в саду доспехи. Пустые доспехи. Тех стражей, что еще только вчера охраняли дверь нашей общей с кесарем спальни… Тэхарс был прав, абсолютно прав, сказав: «Сегодня полетят головы». Кесарь никому не простил вторжения Акьяра во дворец. Даже тем, кому просто нечего было противопоставить принцу Ночного ужаса. Абсолютно нечего. Но оправдания императора не интересовали, чужие жизни – так же… О Великий Белый дух, я надеюсь, Акьяр никогда больше не сумеет проникнуть сюда, иначе Араэден половину прислуги изничтожит в приступе неконтролируемой ярости.

Адрас, поднявшись, встал рядом, так же сцепив руки за спиной, проследив за моим взглядом, мрачно произнес:

– Кьяр.

– Вам известно, что он был здесь вчера?

– Я вызывал императора, – просто ответил принц.

И удостоился моего более чем удивленного взгляда.

– Новое магическое образование в заброшенной шахте у гномов блокировало большинство каналов связи, я задействовал кровную, – совершенно спокойно пояснил Адрас. И так же безмятежно, словно говорил о чем-то совершено несущественном, продолжил: – Охрана дворца допустила ошибку. Они обязаны были реагировать на любые странности, но не предприняли никаких действий, едва вы пропали с порога собственной спальни. Наказание оправдано.

И он, повернувшись, прислонился бедром к подоконнику и, сложив руки на груди, посмотрел на меня. Не просто посмотрел – пристально всмотрелся, после чего вынес совершенно верное заключение:

– Вы не считаете его действия оправданными.

– Нет, – не видела смысла лукавить.

– Вы дитя иного, видимо, гораздо более доброго мира, – задумчиво произнес принц Мрака. – Нам с Араэденом пришлось выживать в этом, и мы знаем цену любой, даже кажущейся сущей мелочью ошибки.

Горько рассмеявшись, я указала на груду извлеченных из озера с плотоядными рыбами доспехов и недоуменно спросила:

– Неужели это справедливое наказание тем, кто просто не осознал сути происходящего?

Поведя плечом, Адрас протянул руку, и на ней вдруг появилось яблоко. Большое, красное, блестящее, сочное яблоко. Принц Мрака ловко, как фокусник, повернул его ко мне другой стороной, и я заметила маленькое пятнышко гнили. Оно было совершенно безобидным, видимо, просто на месте удара яблоко начало портиться.

– Как бы поступили в вашем мире с таким яблоком, Катрина? – спросил Адрас, допустив ошибку в произношении моего имени, но я не обиделась.

Взглянув на темного, просто ответила:

– Отрезали бы гнилое и съели. Или использовали для приготовления, к примеру, яблочного пирога, или сока, или джема.

Адрас кивнул, принимая мой ответ, и задал очередной вопрос:

– То есть в вашем мире этот фрукт был бы подпорчен только частично?

– Да… – неуверенно ответила, не понимая, на что намекает темный.

Принц Мрака больше не намекал. Алое сияние появившегося в его правой руке кинжала, замах, удар – и яблоко разложилось на ладони двумя половинами. Двумя прогнившими изнутри, покрытыми черными прожилками половинами. Яблоко было испорчено совершенно и полностью.

– Это реалии моего мира, Катрина, – жестко произнес Адрас. – Мира, в котором четыре пятых всех ягод – отрава, две трети насекомых – ядовиты, гниль пожирает изнутри, а любая ошибка становится фатальной.

Я стояла, до боли сцепив ладони за спиной, и молча смотрела на яблоко.

Я поняла.

Поняла гораздо больше, чем, вероятно, хотел сказать Адрас.

Вновь повернулась к окну, несколько секунд смотрела на деревья, а затем позвала:

– Эдогар.

Мой верный глава императорской канцелярии подошел мгновенно, уже предусмотрительно держа наготове лист для записей.

И я продиктовала:

– «Именем света, озаряя Эрадарас сиянием своей милости, я, Кари Онеиро Ринавиэль Уитримана из великого рода Астаримана, приказываю вам незамедлительно явиться во дворец его императорского величества Великого Араэдена Элларас Ашеро из рода Архаэров». Число. Место для подписи. Разослать всем владетелям Великих дворцов.

Эдогар напрягся и очень осторожно высказался:

– Ваше пресветлое величество, сияющая императрица, мне бы не хотелось вас огорчать, но, боюсь, власть императора лишь номинальна, и владетели Великих дворцов вправе сохранять нейтралитет и не подчи…

– Исполнять. – Я вновь повернулась к окну.

Едва Эдогар с поклоном удалился, Адрас предпринял осторожную попытку повлиять на мое решение и произнес:

– Катрина, я боюсь, ни один сиятельный лорд не явится по вашему приказанию. Пресветлый Эдогар совершенно верно заметил – они вправе сохранять нейтралитет и не обязаны подчиняться приказам императора Ашеро.

Улыбнулась в ответ. Абсолютно безрадостно. И пояснила:

– Вы сообщили мне гораздо больше, чем осознаете. Я все поняла и сделала выводы.

Затем, обернувшись к своим подчиненным, начала отдавать приказы:

– Эдан, подготовьте тронный зал к приему гостей. Юрданар, подготовьте копии предыдущих посланий с информацией о предательстве, Лео…

Внезапно открылась дверь. Вошел сухонький старичок, которому старательно поклонились все присутствующие, кроме меня. Светлый, откровенно пугающий количеством шрамов на видимых участках тела и тремя поперечными, с рваными зазубринами отметинами на шее, подошел, поклонился мне и, раскрыв имеющуюся у него в руках папку, произнес:

– Пресветлая императрица, меня зовут Эшран, я секретарь его величества. Великий император, как вы и просили, прислал меня для внесения изменений в его расписание. Присядете?

Я отрицательно покачала головой.

– Замечательно, – деловито продолжил самый старый из всех увиденных мной светлых. – Итак, вы просили внести в расписание его озаренного светом императорского величества вашу истерику.

Выдав все это, секретарь кесаря обернулся к деликатно отошедшему, но с интересом наблюдающему за происходящим Адрасу со словами:

– Ваше темнейшее высочество, должен оповестить вас о смене времени проведения военного совета на более позднее.

– Мм-м, – протянул принц Мрака, – и насколько позже будет собран совет?

– Это мы сейчас и выясняем, – заверил его старичок. И повернулся ко мне: – Итак, пресветлая императрица, сколько времени вам потребуется для истерики?!

Я промолчала, прекрасно понимая, что все происходящее не что иное, как форменное издевательство.

– Да, – старик перевернул несколько страниц, – также его императорское величество сообщил, что нам с вами необходимо запланировать время для трех… Я не ошибся, речь идет именно о трех семейных скандалах?

Даже так…

– Вы не ошиблись, – мило улыбаясь, заверила я.

Мой повелитель желает позабавиться? Сейчас позабавимся! За его счет!

– Вы позволите? – исключительно из вежливости произнесла я и быстрым движением с легкостью отобрала ежедневник у одного не в меру ехидного секретаря, который явно пользовался всеобщим уважением, но вот моего пока не заслужил. И после всего этого фарса уже, похоже, не заслужит.

И узрела я, что и ожидала, – абсолютно пустые страницы.

– Ну надо же, как много дел, как много забот, – листая их, язвительно проговорила я.

Мило улыбнулась нахмурившемуся Эшрану, после чего с совершенно пустым ежедневником в руках направилась к своему рабочему месту. По пути вернувшись к раздаче распоряжений:

– Никар, подготовьте мне семь копий основ пресветлого законодательства. Эмирен, обеспечьте неизменность каждой.

Один из моих магов несколько неуверенно заметил:

– Пресветлая императрица, вы опасаетесь, что великие лорды попытаются внести изменения в законодательные сборники?

– Я не опасаюсь, я уверена, – придерживая платье и присаживаясь за стол, ответила ему.

– Боюсь, – светлый с забавным тонким хвостиком несколько замялся, – моих сил и знаний недостаточно, чтобы противостоять великим лордам.

Продолжающий стоять у окна Адрас мгновенно отозвался:

– Я помогу.

– Спасибо огромное, – совершенно искренне поблагодарила я.

Принц Мрака стал настоящим подарком судьбы, и это радовало. На данный момент это вообще было единственным, что радовало.

И я с самым суровым видом взялась за писчее перо и проигнорировала подошедшего секретаря кесаря.

– Ваше императорское величество, – нервно начал эллар.

– Пресветлый Эшран, – моя улыбка из милой трансформировалась в ядовитую, – любой блеф, если уж вы взялись за него, следует доводить до логического конца. Наслаждайтесь процессом.

И я взялась вымещать всю свою злость на кесаря!

Откровенно говоря, о чем-то подобном я мечтала еще со времен правления в Прайде, когда носилась как угорелая с одного совета на другой, а он занимался демоны его знает чем… в смысле, убийство Динара планировал. И говоря еще более откровенно, мне тогда крайне обидно было, что я тружусь изо всех сил, а кто-то денно и нощно пропадает то по любовницам, то в лаборатории, и это при том, что у него в Прайде на окраинах даже рабство имелось… А хотя о чем это я, рабство у его бессмертия вообще везде! Куда ни плюнь – везде рабы! И даже если не плюнешь, в силу воспитания, а все равно одно сплошное рабство! И все потому, что некоторым, похоже, заняться нечем. Сейчас исправим.

– Эдогар, мой ежедневник где? – спросила я, не обнаружив последний на своем столе.

У меня, кстати, ежедневник имелся! В отличие от некоторых.

– Я полагаю, это излишне! – откровенно разозлился старик.

– Рада за вас, – саркастично ответила я.

И начала писать.

В Эрадарасе, в отличие от Рассветного мира, в сутках было двадцать пять часов. То ли по причине любви к красивым числам, то ли из-за особенности их естественного освещения, но двадцать пять, и по сто минут в каждом часе. Точнее, это для меня были минуты и часы, для них капельки и лучи света – как по мне, так поэтично, конечно, но непонятно, поэтому я использовала привычные мне обозначения. В своем ежедневнике я пока не расписывала по минутам и часам все. К сожалению, всего несколько дней правления и отсутствие возможности досконально разобраться в устройстве мира, а также ограничения, наложенные кесарем, не позволяли свести все к привычному точному планированию. Но это что касается меня, а вот на расписании дражайшего супруга я собиралась разгуляться основательно.

Подъем в шесть утра, зарядка, которая полезна даже бессмертным, так что переживет, купание в ледяной реке (хотела написать в пруду с плотоядными рыбками, но не стала), завтрак с бесценным, насильственно вывезенным из другого мира кадром и, самое важное, «планирование сети дорожного покрытия Эрадараса». Далее шло менее важное – планирование военного наступления на Тэнетр, это в качестве запасного плана, если темные выживут после моей торговой экспансии. После чего вновь шло строительство дорог. В конце дня я внесла пять минут на мою истерику и два часа на снятие напряжения в императорском гареме, затем сон, желательно там же, где напряжение снимал.

Читающий все это через мое плечо Эшран уже давно зло сопел, но кто он и кто я – пресветлому приходилось терпеть.

Второй день был расписан куда подробнее, но в основе опять же были дороги! Дороги, дороги и такие нужные мне дороги. Пару часов выделила на «безуспешные попытки преодолеть Эхею». И окончательно обнаглев, четыре часа уделила «поискам Акьяра во имя освобождения из плена вашей паранойи бесценного, насильственно вывезенного из Рассветного мира кадра». После, подумав, добавила час на исследование паранормального явления у гномов. В конце концов, он исследователь, вот пусть и исследует. Затем в обязательном порядке посещение гарема, с припиской: «Порадуйте матушку, не игнорируйте обитель разврата, Эллиситорес волнуется», после чего вновь пожелала спать где придется, в смысле, с кем придется, то есть там, где возляжет с кем-нибудь, там пусть и спит.

После чего, посчитав совершенное достаточным, закрыла ежедневник и торжественно передала его Эшрану со словами:

– Дальше вы сами. И знаете, на будущее я бы посоветовала вам более ответственно относиться к своим обязанностям и не возлагать их на вашу пресветлую императрицу. Да озарит светило путь ваш вон из моей канцелярии.

И улыбнулась.

Очень мило, да.

Пресветлый с достоинством поклонился и последовал туда, куда, собственно, послали.

А я, повернувшись к моим заинтересованным происходящим сотрудникам, спросила:

– Эдогар, послания готовы?

Он принес мне их все, адресованные каждому владетелю определенного дворца. Я подписала каждое, а также, взглянув на часы, указала время – час пополудни. Сейчас была половина. В конце каждого послания поставила только подпись, без соответствующего перечисления моих титулов, не видела смысла повторяться. После чего, вернув Эдогару, приказала:

– Разослать.

Тот взглянул на письма, на меня, поклонился и направился к Литарену, владеющему нужным для соответствующего действия навыком. Далее последовала процедура – Эдогар кладет письмо на серебряный поднос, Литарен сжимает виски, письмо исчезает у нас и появляется перед адресатом. Эдогар кладет следующее письмо, ну и так далее…

Я не стала наблюдать за процессом, у меня и так хватало дел. Мой король преступного мира Юранкар прислал смету на постройку той части города, которую он был готов взять на себя (завысив цену раза в три), что я указала в начале ответного письма, которое взялась писать по ходу дела. Так же темный

сообщил, что ночью среди рабов едва не вспыхнули беспорядки – несколько гладиаторов решили, что вполне достойны лучших женщин, и попытались присвоить себе бывших наложниц. Были биты. Наложницами, которые не испытывали никакого желания снова возлагаться на ложе, и их семьями, процессом руководил мастер Соно. У меня все-таки чутье на великолепных предводителей. Юранкар докладывал, что нападавших связали и держат в яме до моего появления.

И вот мне бы сейчас появиться и карающей десницей исполнить свою публично заявленную угрозу, но нет, увы, я вляпалась в ситуацию с Акьяром и теперь вынуждена ждать, кто меня первый убьет – кесарь за своеволие или принц Ночного ужаса, потому что поставил это своей главной жизненной целью! Нет, я, конечно, верю в кесаря и точно знаю, что он разберется с ситуацией, вопрос только – когда?! Потому что мне действовать нужно уже вот прямо сейчас, а я сижу здесь!

В этот момент распахнулась дверь и на пороге появился сияющий секретарь императора. Пресветлый Эшран, патетично выдержав паузу, встал в проходе и удостоился моего насмешливого:

– Да ладно, вползайте уже.

Патетики, пафоса и сияния тут же поубавилось, после чего старик зло прошаркал через всю канцелярию, сдержал желание швырнуть в меня ежедневником, заставил себя поклониться и протянул мне собственно то, ради чего пришел. Поблагодарив милой улыбкой, взяла ежедневник, раскрыла, прочла написанную под со всем тщанием составленным мной расписанием всего одну строку на оитлонском:

«Я буду спать с тобой, нежная моя, и это не обсуждается».

Несколько секунд я печально взирала на данную фразу, постукивая кончиком пера по столу. Хотелось написать что-нибудь издевательское, типа, «только сначала помыться не забудьте», но имелась одна маленькая проблема – мне как бы сейчас нужен был кесарь. Минутки на две, но нужен. В принципе, у меня есть Адрас, он тоже на «А», то есть посильнее всех великих лордов будет, но он один, и я не была уверена, что справится. А вот в кесаре сомневаться не приходилось…

Внезапно прямо рядом со мной открылся портал и оттуда на оитлонском же раздалось:

– Иди ко мне.

Мгновенно поднявшись, шагнула в переход и вышла в темном, достаточно мрачном помещении, декорированном в основном картами, по большей части магическими, по меньшей – отрисованными и воняющими свежей краской, и судя по тому, что я уже достаточно хорошо знала Эрадарас, а местность отраженную не узнавала, это были карты Тэнетра. Также в помещении имелся стол, за которым до моего появления сидели сторонники кесаря, в составе семи сверкающих магией пресветлых, двух песчаных демонов, приветственно махнувшего мне рукой Тэхарса, одного странного вида синего шипастого мужика и двух орлов. Орлам предоставили не стулья, а жердочки. Массивные такие бревна, в смысле, потому как орлы по размеру раза в два меньше дракона в драконьей ипостаси были. И еще здесь присутствовала дева. Внушительная, плечистая, ростом с кесаря дева, с листочками в заплетенных волосах, древесной корой заместо брони и злыми пронзительно-зелеными глазами, дева, к слову, тоже встала, правда после пристального взгляда кесаря. Короче, тут шел военный совет. Причем, судя по лицам, крайне серьезный.

Но, несмотря на всю эту серьезность, на меня император посмотрел с веселой улыбкой, что как-то не вязалось ни с его личностью, ни с обстановкой, и, продолжая говорить на оитлонском, спросил:

– Что ты хотела?

Карты Тэнетра! И желательно не с гарнизонами и прочей военной радостью, а с мануфактурами и иными производственными мощностями. Но говорить я об этом не стала, даже отдавая себе отчет в том, что кесарь и так все слышал, и произнесла:

– Я тут маленькое групповое убийство запланировала. Не согласитесь ли поучаствовать?

Великий усмехнулся, все так же весело глядя на меня, и просто сказал:

– Позовешь.

И никаких вопросов? Серьезно?

– А смысл? – поинтересовался кесарь. – Я тебе полностью доверяю, созидающая моя.

И что тут скажешь? Нет, я бы в принципе сказала, но, учитывая, что весь военный совет простаивает, естественно, промолчала. Разве что не удержалась от вопроса:

– А по какому поводу совет?

– Уничтожение Акьяра, – перестав улыбаться, ответил мой великий супруг.

– Ясненько, – стараясь вообще ни о чем не думать, тут же ответила я. И добавила уже на языке элларов: – Светлых идей вам, замечательных озарений, быстрейшего разрешения проблемы. – И, обращаясь к кесарю: – Мне позволительно вас покинуть?

– Тебе позволительно все, нежная моя, – на языке элларов же ответил кесарь.

Повинуясь скорее интуиции, чем любопытству, я метнула взгляд на древесную деву – ее заметно перекосило после слов императора.

А я, изобразив реверанс, покинула военное собрание через открывшийся портал.

Едва вернулась в канцелярию, рухнула на стул, нервно постукивая пальцами по столу. Мне очень не понравилось происходящее. В смысле – кесарь не солгал, это я понимала совершенно отчетливо, то есть весь этот совет имел целью именно обсуждение уничтожения Акьяра. Насколько же принц Ночного ужаса силен? Мне пора начинать переживать за свою безопасность? Подумала и тут же отбросила эту мысль. За мою безопасность смысла переживать не было, ею занимался кесарь, а значит, я абсолютно и полностью под защитой. Да и проблема не в этом – проблема в том, как много времени император затратит на уничтожение сводного брата. То есть сколько времени потеряю я…

– Катрина, вас что-то тревожит? – Адрас подошел совершенно неслышно.

– Да, – честно ответила я. – Очень тревожит то, сколько времени мне придется безвылазно просидеть в этом дворце, пока кесарь решит проблему с вашим мечтающим убить меня братом.

И мне вот после этих слов просто выть захотелось. Да, я решу все с Великими лордами уже сегодня, минут через десять, главное – Адрас объяснил мне принцип, все остальное теперь дело техники. Я возьму под контроль Эрадарас, это уже не проблема, но я хочу кардинально иного. Мне нужны человеческие города, человеческие мастеровые гильдии, а это требует моего личного присутствия и контроля.

И тут вдруг Адрас осторожно, как мне показалось, задал вопрос:

– Катрина, позвольте поинтересоваться, а что заставило вас полагать, что Кьяр мечтает убить вас?

Погруженная в переживания о судьбе моего народа, я не сразу осознала смысл сказанного. Когда же до меня дошло, я подняла взгляд на принца Мрака и переспросила:

– Что?

Темный подошел, присел на край моего стола, поглядывая на меня сверху вниз, сложил руки на груди и произнес:

– Катрина, я прошу прощения за вопрос, который, вероятно, покажется вам интимным и, возможно, даже недопустимым, но… у вас в принципе были какие-нибудь отношения с мужчинами до брака с моим братом?

Нервный смех вырвался как-то даже против моей воли. Подуспокоившись немного, совершенно честно ответила:

– Вы будете удивлены, но до «отношений» с вашим братом я даже успела дважды выйти замуж. Первый раз по любви и согласию за прекраснейшего из ракардов, второй раз – путем коварного обмана со стороны моего любимого чело… не совсем человека.

Левая бровь Адраса недоуменно изогнулась.

– Долгая история, – пришлось признаться мне. – И да – это никоим образом не повлияло на решение вашего брата выбрать меня в жертвы… в смысле, в жены.

Потрясенно покачав головой, принц Мрака задумчиво произнес:

– Катрина, вы невероятны.

Я безразлично пожала плечами, занятая совершенно другими мыслями. К сожалению, безрадостными. И тут Адрас сообщил:

– Кьяр не собирается вас убивать. Более того, он скорее отдаст свою собственную жизнь, лишь бы с вашей головы не упал ни один волосок. Он влюбился в вас, Катрина. Влюбился настолько сильно, что эта любовь напрочь смела проклятие высшего, исполнив пророчество…

Он не договорил. Он просто не смог договорить, потому что всю императорскую канцелярию огласил протяжный, полный страдания стон. И это был мой стон!

И закончился этот стон моим же:

– Только не пророчество! Мне, к дохлым гоблинам, очередного пророчества не хватало!

Я вскочила с места, взбешенно пнула стул, подошла, пнула еще раз, вымещая всю злость, после обошла его, подошла к окну и, снова сцепив руки за спиной, посмотрела в сад. Там довытаскивали последние обглоданные доспехи и теперь грузили все на телеги, запряженные шипастыми тварями, видимо собираясь вести на переплавку. В озере плескались счастливые, сытые, жирненькие плотоядные рыбки, напрочь отбивая возникшее у меня желание пойти и утопиться в этом милом озере.

– Катрина? – осторожно позвал Адрас.

Я не отреагировала, продолжая смотреть на рыбок и думая о себе плохо, причем очень плохо. Очень, ко всем дохлым гоблинам, плохо! Кесарь предупреждал.

Прямо сказал, что чувства темных не то, с чем следует играть, а я в очередной раз подошла к этому миру с мерками моего собственного. И ведь расчет был верен, абсолютно верен, я не просчиталась ни в чем. Я – урод, Акьяр – урод, мы реально мгновенно нашли общий язык, и, происходи дело в Рассветном мире, я получила бы верного соратника и надежного помощника. Но увы! Это треклятый Эрадарас, и итог у невинного флирта плачевен. До безумия плачевен. Я потеряю как минимум месяц, как максимум – три-четыре. Потому что Акьяр фанатичен в деле достижения цели. Кесарь, естественно, фанатичнее, тут даже сомневаться не приходится, но потенциал принца Ночного ужаса огромен, и даже кесарю потребуется время для уничтожения темного брата.

И вот в этот крайне тяжелый для меня момент секретарь императора подал голос, издав осторожное «кхе-кхе». Я обернулась, после чего посмотрела на секретаря, на стол, на валяющийся стул… Стул плавно поднялся и вернулся на свое место.

– Спасибо, Адрас, – искренне поблагодарила я.

– Не за что, – мягко отозвался темный.

Я прошла, села за стол, взялась за ежедневник кесаря и под его строкой «Я буду спать с тобой, нежная моя, и это не обсуждается» так же на оитлонском написала: «Паршиво, конечно, что я опять вляпалась в гоблин его знает какое треклятое пророчество, но по факту на данный момент мы ослабили Тэнетр уже на двух принцев. Адрас с нами, Акьяр, как я понимаю, откололся от семьи как минимум в вопросе моего жестокого убиения. Понимаю, что не мне вам советовать, но, возможно, стоит направить все силы на решение вопроса с преодолением Эхеи и вторжением в Тэнетр? Это как максимум. А как минимум я повторно настаиваю на создании разветвленной сети дорог либо перепоручении решения данного вопроса мне. А так же… раз уж принц Ночного ужаса не собирается меня убивать, как насчет того, чтобы слегка… ослабить мой домашний арест?»

Написав все это, молча передала ежедневник секретарю, который, хмурясь и опять подглядывая, явно был недоволен тем, что ни слова понять не может из написанного.

– Да озарит… – начала было я.

– Да я уже понял, что пошел вон, – огрызнулся пресветлый.

И, собственно, пошел вон.

Когда за ним закрылась дверь, я взяла лист бумаги и начала стремительно писать:

1. Ограничение количества охраны.

2. Всех наследников во дворец в качестве заложников.

На душе было несколько муторно, но террор если и устанавливать, то быстро, решительно и безапелляционно. И церемониться со светлыми я более не собиралась. Я власть этого мира, и пора брать себя в руки.

3. Управление на местах, с практикой ежедневных отчетов.

Над четвертым пунктом я только начала думать, как дверь распахнулась и снова появился секретарь кесаря. Вот только двигался на этот раз пресветлый Эшран как-то дерганно, как марионетка. В руках у него была роза изумительного серебристого оттенка с багряно-алым стеблем и лепестками, а ежедневник, в котором содержалась наша с кесарем переписка, совершенно бесцеремонным образом удерживался секретарем под мышкой.

До меня старик не дошел, что не удивительно. Все великолепно усвоили урок кесаря и на странности в поведении секретаря внимание обратили. В помещении императорской канцелярии одновременно вспыхнули три портала, из двух выступили два воина в серебристых сверкающих доспехах, в третий они оба уволокли пытающегося сопротивляться лорда Эшрана.

Когда порталы закрылись, в канцелярии молчали все. Это было потрясенное и весьма напряженное молчание, но говорило оно о многом.

– Пресветлый Эшран не из тех, кого можно легко подчинить своей воле, да? – поинтересовалась я.

– Да, пресветлая, – хрипло подтвердил Эдогар.

Адрас, продолжавший стоять у окна, отозвался задумчивым:

– Кьяр по силе равен отцу и в любой из схваток превосходил даже Араэна.

Меня посетило желание побиться головой об стол. Какой просчет! Боги, какой же жуткий просчет! Если бы не это дурацкое пророчество, какой бы союзник у меня сейчас был бы! Дохлый гоблин пожри треклятые законы бытия этого мира!

Может, попытаться еще раз? Может…

Блеск портала, вышедший из него молодой светлый, низкий поклон и сообщение:

– Зал подготовлен, пресветлая императрица.

– Благодарю, Эдан.

Еще один портал, и появившийся Литарен сообщил очевидное для меня и явно неожиданное для всех остальных:

– Лорды прибыли, пресветлая императрица.

Я подавила победную усмешку.

Затем приказала Эдану и Эмиру:

– Встретить и сопроводить в тронный зал.

Оба пресветлых, поклонившись ниже обычного, исчезли в порталах, спеша выполнить поручение.

А я вновь посмотрела на составленный список.

Жалость к тем, у кого я сейчас отниму все и даже жизнь в случае сопротивления? Ее не было. Попытки оправдать себя? В оправданиях я не

нуждаюсь. Сегодня это будут великие светлые лорды, спустя время я поставлю на колени и темных. Без вариантов, без сомнений, без сожалений. Я власть Сатарэна, кесарь – его сила. Так есть и так будет.

– Эдогар, позаботьтесь о том, чтобы перекрыть все пути отхода Великим светлым лордам, – приказала, поднимаясь из-за стола.

Посмотрела на Адраса, принц Мрака просто молча подошел ко мне, предложив руку. Но прежде, чем он попытался открыть портал, я произнесла:

– Боковой коридор от входа в тронный зал.

Темный удивленно хмыкнул, но исполнил мое пожелание в точности – из портала мы вышли возле служебной двери, по бокам входа; предварительно потыкав воздух, замерли стражники. Там, за дверью, слышались голоса, неизменно с паузами и прочим соблюдением этикета, но все же говорили пресветлые определенно на повышенных тонах. И это не удивительно – они маги и к этому моменту уже должны были определить, что путь из дворца им закрыт, как и возможность использовать порталы. Полагаю, для решения этого вопроса Эдогар обратился к кесарю. Еще искренне надеюсь, что с секретарем кесаря все в порядке. И что я справлюсь.

Отпустила локоть темного, одернула платье, поправила рукава, покров, вскинула голову. Глубоко вздохнула и приказала:

– Открывайте двери.

* * *

Я вошла уверенно и решительно. Взгляд направлен четко вперед, плечи расправлены, подбородок слегка приподнят. Никакого страха, никаких сомнений, ни намека на робость. Это я в совет Альянса Прайды входила, каждый раз морально готовясь к схваткам, продумывая стратегии, до последнего сомневаясь в своих решениях, опасаясь сделать неверный шаг… Здесь не боялась. Мир не мой, раса не моя, и мне плевать на Великих пресветлых лордов. Их мнение просто не имеет никакого значения. Я точно знала – будет по-моему, и точка.

По выложенной серебристым камнем дорожке я величественно проследовала к тронам, мысленно напомнив себе в дальнейшем поблагодарить пресветлого Эдана за то, что ныне к обоим тронам вели ступени.

Поднялась не оборачиваясь. Миновав лестницу, развернулась, оправила платье одним четко выверенным жестом и опустилась на свой, немногим более скромный, чем у императора, трон. И вот только после этого обвела внимательным взглядом заметно ошарашенных моим появлением светлых. Светлых, коих присутствовало втрое больше, чем полагалось. Простая арифметика – Великих лордов и, соответственно, дворцов в Эрадарасе семь. Мы с кесарем занимаем Радужный, таким образом, остается шесть. Но из всех присутствующих единственным, кто явился без сопровождения, был удостоившийся моего приветственного полукивка уже знакомый мне лорд Ларвейн-младший, владетель Лунного дворца. Остальные же предпочли прибыть с охраной. К счастью, разгадывать, кто из них кто, не приходилось – лорды Серебряного, Туманного, Золотого, Снежного и Хрустального дворцов выделялись и статью, и блеском серебристых камзолов, на коих лишь кружева имели оттенок рода, и высокомерными взглядами. Я уверенно выдержала каждый из них, отстраненно рассуждая о том, что все светлые на одну морду лица. Красивую, матовую, сверкающую многогранными глазами морду лица. Я не особо видела в них личности. Так, просто серая… в смысле, серебристая масса одинаковых физиономий, на которых за показным высокомерием и выпячиваемой силой отчетливо проявлялись намерения.

Мне даже не потребовалось умение читать мысли, чтобы четко увидеть, что лорд Серебряного дворца, прибывший в сопровождении двух охранников и дочери, эту самую дочь собирается подсунуть кесарю. Я уже достаточно долго находилась в этом мире, чтобы понять, что, к примеру, выточка на третьем верхнем платье, подчеркивающая очертания груди – это практически намек на готовность эллары ко всему. Нет, в остальном все было как и всегда, разве что покров чуть меньше, поэтому открыта большая часть лица и самый верх изящной тоненькой шеи, но ни у меня, ни у Эллиситорес третьи платья ни в коей мере не подчеркивали очертания тела, а в их великой пресветлой книге «Шепот шагов дочери света», пусть я и просмотрела ее крайне поверхностно, не было ни слова об изменениях в нарядах леди после брака. К примеру, у Динара в Далларии такие традиции были, там замужним леди полагалось собирать волосы, в Оитлоне, как в более прогрессивном государстве, ничего подобного не предписывалось, а вот в Хорнии замужние женщины не носили платья светлых тонов. Но в Эрадарасе изменений в нарядах не практиковалось. То есть налицо

попытка откупиться дочерью. В Прайде, к слову, подобное срабатывало, и не раз – красивых женщин кесарь любил и не скрывал этого, поэтому нередко за грехи подвластных правителей расплачивались дочери или жены. Видимо, политика «не скрывания интереса к противоположному полу» наличествовала и в мире светлых, так что не удивлена, нет. Удивлен был владетель Серебряного дворца лорд Сагэр. Заметно удивленной и несколько смущенной, но ничуть не испуганной выглядела и его прелестная дочь, а вот я нет. Ни грамма удивления. Вот кто меня действительно удивил, так это владетель Туманного дворца. Лорд Тагран прибыл с сыновьями. Причем ладно бы с законорожденными, но лишь один из четверых имел стандартные элларовские очи, у остальных же со светлолордовских морд на меня взирали драконьи, песочно-белые неясного кого, и совершенно черные с алым зрачком темные глаза. И вот казалось бы, с чего лорду Таграну таскаться сюда с целым выводком отпрысков? Но одно невольное движение плечом занервничавшего от моего задумчивого взгляда законнорожденного сына мгновенно отразилось на трех явно на стороне зачатых. И все с ходу стало ясно. В Истрии практиковалось нечто подобное – вместе с наследником росло трое-четверо друзей-телохранителей, с раннего детства наученных защищать жизнь будущего правителя до последнего вздоха. Светлые, и я уже даже не удивляюсь, пошли еще дальше – тут, похоже, один папашка для начала зачал, а впоследствии и воспитал себе четырех идеальных телохранителей. Не сыну и наследнику, а себе.

Оригинальное отношение к потомству, но, опять же, не удивлена. Скорее, легкий оттенок разочарования на фоне общего безразличия ко всей расе светлых. Владетель Золотого дворца лорд Гейром прибыл с секретарем и двумя телохранителями, чем сразу заполучил мое расположение. Я даже удостоила его пресветлость одобрительной полуулыбкой. Владетель Снежного дворца прибыл в сопровождении двух сыновей и двух дочерей. Причем светлые леди, к моему искреннему изумлению, были выбриты наголо и одеты в мужскую одежду. У каждой имелись ножны, почему-то пустые, и доспехи, скрывающие фигуру полностью. Леди являются воинами? На севере так принято или это личное извращение лорда Вентэра? Не существенно. И я посмотрела на последнего из Великих лордов. Владетель Хрустального дворца лорд Хайтмар прибыл лишь с другом. Насколько я понимаю, также явно владетелем, и, если я правильно определилась с ориентацией по цвету кружев, это был лорд Кеанран, владетель не столь великого, но тоже весьма существенного Гранитного дворца.

Что ж, все были в сборе.

Но начинать я не торопилась. Не то чтобы выдерживала паузу, честно говоря, просто ждала собственного главу императорской канцелярии. Лорд Эдогар подзадержался, и причина его задержки стала ясна, когда торопливо поднявшийся и вставший по левую сторону трона пресветлый передал мне ежедневник кесаря. Открыв, я, с трудом сдержав улыбку, прочла всего одну фразу:

«Ты восхищаешь, нежная моя».

Значит, все мои выводы были абсолютно верны.

Я закрыла ежедневник, передала его принявшему папку с поклоном Эдогару и произнесла то, чего присутствующие ожидали менее всего:

– Я – Кари Онеиро Ринавиэль Уитримана, урожденная Астаримана, законная супруга его пресветлого императорского величества Великого Араэдена Элларас Ашеро из рода Архаэров, отныне и навеки единоличная, полновластная и абсолютная Власть в Эрадарасе!

Великие лорды застыли. Возмутиться, перейти на повышенные тона или просто возразить им не позволял этикет. Необходимость отсчитывать и все такое… Они были скованы рамками воспитания, прописанными в их великих книгах, а для меня рамок и границ не существовало вовсе. И потому я продолжила:

– О том, кто вы, мне известно. Лорд Сагэр, – я посмотрела прямо в глаза владетеля Серебряного дворца и продолжила, последовательно глядя на каждого из называемых: – Лорд Тагран, лорд Гейром, лорд Вентэр, лорд Хайтмар и лорд Кеанран. Как видите, представления излишни.

И тут лорд Сагэр, видимо наименее воспитанный из всех присутствующих, воскликнул:

– Но позвольте!

Так и подмывало ответить «Не позволю», но передо мной был не Илери, а потому никаких пикировок, есть только я и мое решение.

– Я не интересовалась вашим мнением, лорд Сагэр, – осадила владетеля Серебряного дворца. – Как, впрочем, и мнением остальных.

И я повторно оглядела всех присутствующих. Они были даже не то чтобы возмущены – потрясение откровенно читалось на их лицах, и неверие в происходящее отражалось в глазах, но… мне было все равно. Абсолютно все равно. И, холодно глядя на тех, кто называл императора лишь первым среди равных, но дочерей подкладывать под кесаря при этом зазорным не считал вовсе, я продолжила:

– Лорды, я буду предельно откровенна: у вас существует лишь два пути. Первый – полное и абсолютное подчинение сейчас и в дальнейшем, второй – смерть.

Вот практически и все. Далее им оставалось лишь потрясенно осознавать произнесенное мной, мне – внимательно отслеживать их реакцию. В минус ушли абсолютно все, кроме владетеля Золотого дворца, впрочем, это был умный мужик, сразу видно, никто другой даже не потрудился секретаря с собой захватить, а так-же загадочно усмехнувшегося, словно он что-то подобное и предполагал, владетеля дворца Гранитного. И теперь мне оставалось просто ожидать нападения от того, кто станет первой показательной жертвой. Лорда Таграна выдали подергивающиеся от охватившей его ярости крылья носа еще до того, как он подал сыновьям знак, дернув мизинцем.

– Я не рекомендовал бы! – прозвучал от двери голос принца Мрака.

И сыновья владетеля Туманного замка замерли, но лишь на миг – уже в следующий все четверо начали формировать нечто сферическое, зелено-болотное, явно угрожающего вида. Я лишь улыбнулась, глядя на то, от чего побледнели все присутствующие, включая Адраса и попытавшегося закрыть меня собой Эдогара. Народ, откровенно говоря, просто не знал, с кем связывается… а зря.

– Лорды, – сдвинув Эдогара с траектории обзора, произнесла я, – искренне сожалею, что вы не обратили внимания на одну намеренно подчеркнутую мной деталь: я – Власть Эрадараса, но вам не стоило забывать о том, кто его Сила.

И, вольготно устроившись на троне, я мысленно позвала: «Мой кесарь?»

Великий император ослепительной вспышкой появился на соседнем троне. Величественный, великолепный, надменный, замораживающе ужасающий и расслабленно ироничный. Он практически издевательски осмотрел застывших с его появлением Великих лордов, попутно уничтожив зелено-болотную сферу, даже не напрягаясь, затем обратил все свое величественное внимание на меня и с едва уловимой тонкой иронией поинтересовался:

– И кто посмел выказать тебе неповиновение, нежная моя?

О, я понимала причины его иронии, сама с удовольствием поязвила бы на данную тему, но… суть в том, что, как это ни называй, необходимостью или же попыткой избежать жертв в будущем, но по факту мне нужно было вынести приговор. И я его вынесла:

– Лорд Тагран.

Владетельный пресветлый упал как подкошенный. Просто рухнул, и уже на полу из его приоткрытого, словно в смертельном крике, рта потекла тонкая струйка крови. Светлые содрогнулись. Я видела, как потрясенно взглянул на кесаря даже стоящий все там же у двери принц Адрас, Эдогар и вовсе стал невероятно бледен. Казалось, к ним, находящимся в курсе того, что император Араэден вернул себе империю за пару часов всего, осознание силы и мощи кесаря пришло только сейчас.

И на лицах присутствующих отразился панический ужас… я прямо себя как дома почувствовала.

В смысле, в здании совета Альянса Прайды, когда на наши заседания кесарь являлся. Вот тогда у всех айсиров были вот точно такие же выражения на лицах, и я… я понадеялась, что одной показательной казни будет достаточно. Но взгляд на кесаря, и его саркастическая, явно говорящая об обратном усмешка. Да, он был прав, это не Рассветный мир. Эрадарас не прощал даже не то что жалости – намека на нее.

И я последовательно взглянула на тех, кому исключительно из соображений целесообразности следовало бы так же вынести приговор, но озвучить имена… не смогла. Просто не смогла. Особенно после того, как увидела откровенную

мольбу о спасении, пусть даже в чуждых мне пресветлых глазах владетеля Хрустального дворца.

– Нежная моя, – кесарь заговорил на оитлонском, – жалость в Эрадарасе недопустима, мне казалось, ты поняла это.

Я поняла, да. Я все поняла, причем очень отчетливо. Так же отчетливо, как осознавала, что лорд Сагэр и лорд Вентэр – это угроза, причем прямая и требующая уничтожения. Но я… я не кесарь. Даже если очень пытаюсь им быть. Я поступлю иначе!

Вновь выпрямившись на троне, я демонстративно брезгливо взглянула на труп лорда Таграна, после чего перевела взгляд на его законнорожденного сына и произнесла:

– Примите мои поздравления со вступлением в наследство, лорд Тагран.

Молодой эллар поднял на меня потрясенные глаза и пробормотал:

– Я нне… не… не нннаследник, по сссстаршинству я…

– Лорд Тагран, – уверенно перебила его, – моей милостью и властью, дарованной мне моим великим супругом, я назначаю вас новым владетелем Туманного дворца. Поздравляю со вступлением в наследство.

И они осознали. Все и разом. Эллары вообще оказались на удивление сообразительными ребятами. Более чем сообразительными. В руке одной из дочерей лорда Вентэра сверкнул синим инеем призванный клинок, а через мгновение он уже окрасился кровью не ожидавшего удара владетеля Снежного дворца.

– Готова служить вам, моя императрица! – рывком извлекая клинок и опускаясь на одно колено, произнесла совершенно лысая эллара.

– Примите мою благодарность и поздравления, леди Вентэр, владетельница Снежного дворца, – скрывая усмешку, ответила я.

Исходя из того, что мне уже было известно об этом мире, я только что нарушила все писаные и неписаные правила Эрадараса, отдав власть женщине. Но судя по тому, как безропотно приняли ее поступок братья и сестра, леди Вентэр определенно была лидером в этой семье. Причем лидером, истово ненавидящим отца… и я даже не хотела знать, что стало причиной этой ненависти. Уж точно не претензии по поводу невнимания со стороны папочки.

– Это анархия! – выпалил вдруг лорд Сагэр.

– Ваше высказывание в корне неверно, – равнодушно отозвалась я. – Это не анархия, лорд Сагэр, это установление абсолютной монархии. Осознаете разницу?

Он осознал. И в следующее мгновение очень медленно, словно каждое движение давалось ему с невероятным трудом, опустился на колени. Сначала на одно, затем на оба, покаянно опустив голову. Он понял, кто является тут следующей показательной жертвой, и предпринял все возможное, дабы избежать этого, надеясь на мою милость.

– Решать тебе, моя императрица, – насмешливо произнес кесарь.

Произнес на языке светлых, и я отметила, как содрогнулся лорд Сагэр.

– Мой пресветлый и великий император, – ответила, тщательно подбирая слова, – власть должна быть милосердна к тем, кто осознал свои ошибки.

Мысленно добавила: «И, к слову, приволок вам свою дочь, если вы не заметили».

Кесарь ответил снисходительной усмешкой, а затем величественно поднялся. И на колени, кроме Великих лордов и одной уже Великой леди, рухнули все. Великие ограничились покорно склоненными головами.

– Пусть сияние озарит ваш светлый разум, – не скрывая издевки, произнес император Араэден.

Затем, повернувшись ко мне, произнес:

– Моя императрица.

– Мой император. – Я слегка склонила голову в знак уважения и благодарности.

Вспышка, и кесарь исчез в портале.

А я подумала о том, как безумно хочу бокал вина. Много, много, безмерно много бокалов… жаль, выпивка не поможет… она в принципе никогда не помогает.

– Эдогар, позаботьтесь о дополнительной копии свода законов, – начала я отдавать приказы. – Эдан, трупы не лучшее украшение для тронного зала, вы не находите? Юрданар, раздайте владетельным лордам законодательные сборники.

Пока выполнялись мои приказания, с тоской взглянула на Адраса. Принц Мрака ответил полным сочувствия взглядом. Едва заметно улыбнулась в ответ и произнесла одними губами:

– Все только начинается, вам стоит присесть, это будет долго.

Темный отрицательно мотнул головой и остался стоять там же, разве что прислонился плечом к колонне и руки на груди сложил. А я, если честно, была очень благодарна ему за то, что не ушел… и за поддержку тоже.

А потом мы приступили к работе. Я оставляла за Великими лордами право управления на местах, однако накладывала жесткие ограничения. Предельно жесткие, но у наместников императора должны были наличествовать безупречная репутация, безукоризненная преданность, абсолютная готовность выполнять приказы. Ежедневные отчеты о проделанной работе, ежедневное присутствие на утреннем обсуждении планов развития империи в канцелярии. От идеи потребовать присутствия заложников в императорском дворце я отказалась – кесарь был той силой, с которой не решился бы спорить даже безумец, соответственно, просто не требовалось.

* * *

Работали быстро. Максимально быстро. В итоге за шесть часов были решены основные вопросы, и я отпустила Великих лордов. На сегодня отпустила.

Когда опустел тронный зал, а Эдар с Эдогаром перенесли обратно в канцелярию столы, за которые я была вынуждена усадить светлых, чтобы успевали все записывать, в наполненном светом, торжественностью и безграничной усталостью помещении остались только я, Адрас и стража.

Мне хотелось выпить. Еще безумно хотелось к Юранкару и затем в человеческий город, узнать, как дела… Вот только никак.

Я величественно встала, медленно спустилась по сверкающим ступеням и остановилась. Всего на миг. На один очень краткий миг. Ощущая, как безумно кружится голова и пересохло в горле.

– Катрина? – позвал стремительно подошедший Адрас.

Я вновь пошатнулась, но все же устояла.

– Полагаю, вам следует отдохнуть остаток дня, – произнес, придержав за локоть, принц Мрака.

Вздохнув и ощущая, как все сильнее кружится голова, спокойно ответила:

– У меня нет на это времени.

Не став спорить, Адрас произнес:

– Время обеденной трапезы.

– Я вас не задерживаю, – заставила себя улыбнуться. – Но, если можно, попрошу о любезности – не могли бы вы перенести меня в канцелярию?

Портал привычным сиянием появился передо мной, и я шагнула, поддерживаемая принцем Мрака. Вышла на пороге канцелярии, поблагодарила темного и, жестом подозвав Эдогара, направилась к карте. Мое упущение – я все еще не изучила ее столь досконально, как требовалось. Карту Оитлона я могла

нарисовать с закрытыми глазами, карту Эрадараса, к сожалению, еще нет. Мелькнула отстраненная мысль попросить кесаря помочь с запоминанием, но я мгновенно ее отбросила – сама справлюсь. Как и всегда.

Первое, что меня интересовало, – Снежный дворец. Важно было понять, потребуется ли помощь леди Вентэр в окончательном установлении ее власти.

Крутанув карту Эрадараса, я отыскала Снежный дворец, стоящий словно под охраной двух внушительных гор, отметила, что в принципе он находился неподалеку от владений драконов, по крайней мере, гряда гор с северной стороны от замка показалась мне знакомой, после стремительно увеличила карту.

И крайне своевременно.

При приближении, с высоты птичьего полета, открылась вполне ожидаемая картина.

Там, во дворе Снежного дворца, разворачивалось прелюбопытнейшее зрелище – двое могучих элларов в меховых плащах удерживали провозглашенную ныне мной леди Вентэр, практически выворачивая ей руки, и лицо светлой было искажено болью, а часть воинов из собравшихся более чем четырех сотен угрожающе сияла магией в сторону родственников моей наместницы.

– Призвать воинов? – раздался за моей спиной голос Эдогара.

Я промолчала, сильнее увеличив картину происходящего и вглядываясь в лицо эллары.

– Пресветлая императрица? – настойчивее позвал глава моей канцелярии.

Если бы дело происходило в моем мире, я бы вмешалась, не задумываясь. Но это Эрадарас. Проклятый мир, в котором за слабость приходится платить, и весьма высокую цену. Леди Вентэр это было известно. Как, впрочем, и то, что едва ли в ее родном замке с радостью воспримут известие о гибели прежнего владетеля. У любого режима власти есть как противники, так и сторонники – это неизменный закон. И леди Вентэр не могла не понимать, что по возвращении ей придется

столкнуться с теми, кто встанет горой за сохранение своих, полученных при ее отце, привилегий. Дальше все просто – если не понимала, значит, глупа, а мне не способные просчитать простейшие последствия своих действий наместники не нужны вовсе. А если просчитала, но не способна дать отпор – значит, слаба. Нужны ли мне слабые наместники? Вопрос риторический.

Один из удерживающих леди Вентэр элларов внезапно толкнул светлую, а едва та попыталась встать, ударил наотмашь железной перчаткой. На заиндевелый белый камень двора упали капли алой крови. Два шага, и ударивший пресветлую эллар, вновь швырнув ее, повторно пытающуюся подняться, наступил на горло девушки ногой, пригвождая к ледяным камням, и, обведя победным взглядом всех находящихся вокруг, заговорил, старательно выпячивая грудь.

На этом моя выдержка дала сбой. Впрочем, будем откровенны – я никогда и не отличалась никакой особой выдержкой. И даже понимая, что гораздо разумнее было бы сейчас не вмешиваться, а в дальнейшем работать напрямую уже вот с этим, совершенно мерзким отродьем, приняв как данность его правление в Снежном дворце, остаться в стороне не смогла.

– Эдогар, портал! – приказала зазвеневшим от гнева голосом, не отрывая взгляда от откровенно душившего леди Вентэр ублюдка.

И сама же остановила его, когда девушка, змеей изогнувшись, выскользнула из-под сапога светлого и, приподнявшись, нанесла удар в его незащищенный бок, мгновенно призванным ледяным мечом. Второй из одетых в меховые плащи кинулся было к ней и…

И потрясенно застыл, глядя, как первый рывком извлекает меч из своего бока и перерезает горло.

Себе.

Сам.

В ужасе глядя куда-то вперед.

Я сместила картинку и посмотрела на появившегося там, прямо в том стылом дворе Снежного дворца, кесаря, ледяным взглядом сопроводившего самоубийство сначала одного из напавших на пытающуюся сейчас встать леди Вентэр, а потом и второго, который, так же зачарованно глядя на кесаря, молча перерезал себе горло. После чего император Эрадараса перевел взгляд на застывших во дворе замка элларов. И еще четверо, не сказав ни слова, покончили с собой. Когда они рухнули, обагряя кровью заиндевелые плиты, возле меня вспыхнул портал и мой супруг молча протянул мне руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/elena-zvyozdnaya/siyanie-chernoy-zvezdy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить